

КРИС РАЙЛАНДЕР

*Приготовься. Развязка близко.
Скоро этот мир изменится навсегда...*

ЛЕГЕНДА ° ГРЕГЕ

ЗАГАДКА ДЛЯ ГНОМА

#эксмодетство

Крис Райландер

Загадка для гнома

Серия «Легенда о Грее», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63694891

Загадка для гнома: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-115782-1

Аннотация

Приключения (и злключения) Грея не только продолжаются, но и набирают обороты. В мир полностью вернулась магия, поэтому на каждом шагу вас поджидают монстры, зачарованное оружие и легендарные артефакты, а ещё наверняка встретится страж какой-нибудь пещеры, который будет загадывать вам дурацкие загадки (да, а вы думали «Властелин колец» – это просто сказочка такая?). И именно это предстоит пройти Грегу, чтобы найти Фаранлетский амулет Сахары – камень, который может уничтожить всю магию или же подчинить её кому-то одному. Однако кроме того, что путь к амулету полон преград (вроде болтливых деревьев, кровожадных троллей и плюющихся песком каменных черепах) Грег должен найти его раньше своего бывшего лучшего друга Эдвина и до того, как армия эльфов разрушит до основания его родной город. И даже это не самая большая проблема. Сложность в том, что все, кого встречает Грег, как один

твердят – амулета не существует. Что, если это действительно так? Тогда миру, возможно, и правда конец...

Содержание

Глава 1. В которой левая рука капитана Вонюченок трещит, как попугай	7
Глава 2. В которой я поймал три рыбы разом (и даже кулаком не пошевелил!)	14
Глава 3. В которой утонул Грегдруль Пузельбум: так себе рыбак, но ого-го какой неудачник	22
Глава 4. В которой кракен страдает вздутием живота	31
Глава 5. В которой я превращаю залив Уды в крупнейшее в мире джакузи	41
Глава 6. V kotoroj Greg vonyaet kak konskiy zad	50
Глава 7. В которой двум смертям не бывать, а одной не миновать	59
Глава 8. В которой мой желудок помогает печени с перестановкой в комнате	66
Глава 9. В которой я замечаю, как прекрасно солнце, мерцающее на тоненьких и пушистых усиках	74
Глава 10. В которой выясняется, что гигантские говорящие пауки, тролли в набедренных повязках и язвительные кентавры всё же могут напугать, пусть даже о них упомянули шутки ради	80

Глава 11. В которой стражи бросают своё оружие в озеро	92
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Крис Райландер

Загадка для гнома

*Посвящается всем, кто меняет мир, и даже
тем, кто этого не делает.*

Chris Rylander

THE RISE OF GREG

Copyright © Temple Hill Publishing, 2020

This edition published by arrangement with Writers House
LLC and Synopsis Literary Agency.

© Проходский А.Н., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. В которой левая рука капитана Вонюченок трещит, как попугай

Вы уже кое-что знаете, поэтому если я спрошу вас, в какой день меня слопал кракен, то вы наверняка ответите: в четверг. И будете не правы. Потому что на самом деле это случилось в пятницу (когда-то мой самый любимый день недели). Уточню: это была пятая пятница с того момента, как я и мои друзья убедили Совет, что пора действовать, и тот согласился отправить нас на миссию по поиску потерянного Фаранлегтского амулета Сахары. Согласно преданиям, он обладает способностью управлять магией (с ним мы, например, сможем снова избавиться от неё или использовать во благо или во зло, тут уж всё от нас зависит).

Никому не известно, где он спрятан, кроме моего друга Камешка – скального тролля. А ещё – моего бывшего лучшего друга Эдвина Алдарона.

– Когда мы уже доплывём? – спросила Ари тем пятничным утром, когда мы стояли на верхней палубе нашего внушительного корабля. – Я воняю, как шорты боксёра после спарринга, которые выварили в уксусе. Мне нужно принять нормальную ванну на сухой земле.

– Надеюсь, что сегодня вечером, – ответил я, обводя

взглядом бескрайний простор без малейших признаков земли. – По крайней мере, капитан Вонюченок мне так вчера сказала.

Мы провели в открытом море на этом корабле почти четыре недели. Столько времени требовалось, чтобы пересечь Тихий океан, после того как в мире не осталось ни одной действующей машины. С момента возвращения магии автомобилей, телефоны, компьютеры, блендеры – да буквально все механические приспособления – перестали работать и оказались бесполезны. Раньше ПВГЛ «Пауэрхэм»¹ служила пассажирским паромом, на котором перевозили людей и автомобили. Два его двигателя мощностью более десяти тысяч лошадиных сил разгоняли судно до тридцати узлов.

Теперь же он приводился в движение особыми парусами, спроектированными гномьими инженерами, а также четвёркой бугганов, которые сидели в трюме и гребли выполненными на заказ вёслами². Конечно, если бы не гномья магия, которая обеспечивала попутный ветер и океанские течения, путешествие заняло бы вдвое больше времени.

– А ты уверен, что капитан Вонюченок точно знает, что делает? – спросила Ари.

– Конечно. Наверное, – ответил я, не зная, что ещё ска-

¹ Парусно-вёсельная гребная лодка «Пауэрхэм».

² Пока вы не начали бросаться в меня тухлыми яйцами, я должен объяснить, что этим бугганам хорошо заплатили за их труд. Среднестатистический бугган – это гора мышц, ненавидящая лень во всех её проявлениях. Самое любимое их занятие – хорошенько поработать руками.

зять. – Да и вообще, сейчас уже поздно об этом думать.

– Да, да, ты прав, – быстро проговорила Ари. – Просто... слишком многое поставлено на карту.

И я прекрасно понимал, почему она так переживает. Нам пришлось полностью довериться гномихе, у которой были, скажем так, некоторые особенности. Например, у неё был лишь один зрячий глаз, отчего при разговоре она склоняла голову набок, как будто пытаясь вытрясти воду из уха. А ещё у неё имелся говорящий попугай Финнеган, который был во-все не попугаем, а кистью её руки. Когда «попугай» «говорил», его владелица хлопала этой рукой, изображая клюв.

Но раз уж Данмор был в ней так уверен, что доверил ей командование кораблём, который отправлялся на самую важную миссию в современной истории гномов, то и мне не оставалось ничего другого.

– Важный груз, – раздался позади нас голос, от которого я подпрыгнул и чуть не свалился за борт. – Важный в груз корабля трюме. Ага. Вот так.

Капитан Вонюченожка. Как долго она тут стояла? Что она успела услышать? Капитан, склонив голову, переводила свой единственный глаз с одного из нас на другого. На её измождённом, беспокойном лице появилась кривая усмешка.

– Важный груз? – неуверенно переспросила Ари.

– Именно. Важный груз, – повторила капитан, в то время как её кустистые брови двигались так интенсивно, как будто танцевали брейк-данс. – Как я сказать. Хе-хе.

– Капитан говорит: важный груз! – снова заговорила она голосом попугая Финнегана и захлопала рукой, словно клювом. – Чирик! Важный груз!

И да, когда Финнеган чирикал, капитан Вонюченок просто говорила «чирик», вместо того чтобы подражать птичьим звукам.

Мы с Ари переглянулись. Мы совсем не понимали, о чём говорит капитан. По нашим сведениям, на корабле вообще не было никакого груза.

– Эмм... – протянул я.

– Я знаю, что ценности в трюмы грузить, – продолжила капитан. – И в сохранности доставлены будут. Так я сказать. Хе-хе. Магия приходит и уходит, а звёзды, ага, звёзды остаются навсегда. Пусть мёртвые и погасшие, но свет призрачный их останется неизменным навеки.

– Неизменным навеки! – добавил Финнеган. – Чирик!

Я понял, что капитан хвастается тем, как она смогла провести корабль, ориентируясь исключительно на солнце и звёзды. GPS остался в прошлом. Многие (если не все) спутники превратились в безжизненный космический мусор, навсегда застрявший на орбите, или рухнули за эти несколько месяцев на землю, прорезав ночное небо охваченными пламенем обломками. Вернувшийся гальдерватн просочился даже за пределы нашей атмосферы.

– Ну, – начал я, не зная, что ответить гному, который, может быть, и был стукнутым на всю голову, но в нашей миссии

играл существенную роль. – Спасибо, что доставили нас.

– Парень, мы ещё не прибыли, – ответила капитан, живо оглядывая океан единственным глазом. – Но мы уже близко. Хе-хе, как я и сказать. Вы, я и остальная часть важного груза.

– Чирик! – добавил Финнеган.

Затем капитан развернулась и ушла в каюту на верхней палубе.

– Ты думаешь, она имела в виду нас? – прошептала Ари.

– Ты про важный груз? – уточнил я. – Вполне возможно.

И у капитана были на то причины. Если задуматься, то на корабле был действительно очень важный груз. Не мы с Ари конкретно, но вся наша команда. На этот раз Совет воспринял нас очень серьёзно. Нельзя сказать, впрочем, что он доверил общее будущее кучке детей-гномов, которые всё ещё проходили обучение. Если честно, дети оказались в составе экспедиции лишь благодаря Камешку. Он наотрез отказался ехать без нас. Так что мы присутствовали здесь исключительно как свита скального тролля, и никто больше. Данмор чётко дал это понять.

Настоящее дело (то есть возвращение давно утерянного Фаранlegtского амулета Сахары) будет возложено на профессионалов. Кроме Ари, Лейка, Глэм, Головастика, Тики Грызньелюб (нашей недавно обрётённой подруги из Нового Орлеана), Камешка и меня³ на корабле также плыли два-

³ Игану пришлось остаться. Его новая должность в Совете гномов не давала ему возможности присоединиться к миссии, несмотря на её важность.

дцать пять лучших гномов-воинов из живущих в наше время, прошедших полный курс подготовки: два отряда элитных воинов из Гномьего Караула под командованием самого яростного и самого уважаемого военного офицера в современной истории гномов – лейтенанта Дорака Громоцветного.

Командующий был очень похож на нашего прежнего наставника Бака Знатнобородого. Они оба терпеть не могли улыбаться, всегда хмурились и с недостижимым совершенством владели гномьими военными приёмами. Но командующий Дорак был выше, сильнее, стройнее и не такой ленивый. Оказалось, что есть кто-то, кто может переплюнуть Бака в способности обзывать и выходить из себя.

Я, например, и врагу бы не пожелал столкнуться с лейтенантом на поле боя.

Если уж на то пошло, то я был невероятно рад его присутствию (и присутствию его двадцати четырёх сверхсолдат тоже). По крайней мере, теперь на мне не было никакой ответственности. И мне не придётся сходить с ума от мыслей о том, как выполнить задание, которое я в итоге не провалю только благодаря глупым капризам удачи. Сказать по правде, меня в дрожь бросало при мысли о том, с чем нам придётся столкнуться на пути к амулету. Но я был совершенно уверен, что стражи гораздо лучше меня подготовлены к любым непредвиденным ситуациям. Наверное, это была первая миссия, в успехе которой я не сомневался... потому что ею

руководил не я.

Теперь исход миссии, да и всё будущее гномов, не зависели от моих нелепых ошибок.

И тем не менее мне (опять!) удалось всё безнадёжно испортить.

Глава 2. В которой я поймал три рыбы разом (и даже кулаком не пошевелил!)

Чуть позже в тот же день я в одиночку завалил всё дело ещё до того, как оно началось.

– Чем ты тут занят, красавчик? – спросила Глэм, прыгивая со ступенек на нижнюю палубу. Следом шли Тики и Лейк. Эта часть парома находилась почти на уровне воды, потому что раньше, пока не изменился мир, сюда пришвартовывались более мелкие суда.

Я сидел на складном стульчике у самого края, не сводя глаз с лески, уходившей в глубину, и слушая, как вода плескала под днищем судна.

– А на что это, по-твоему, похоже? – спросил я.

– Похоже, что цели неведомой для в друг наш открытом поймать море хочет щуку, – подколот меня Лейк.

– И вовсе даже для ведомой, – ответил я, удобнее обхватывая удочку. – Я пытаюсь развлечься.

– Неправильно ты это делаешь, – заметила Тики. – У нас на юге мы ловим рыбу, просто болтая кулаком в воде.

– Ого, – сказала Глэм. – Рыбалка кулаками? Мне нравится эта мысль!

– Ну, мы не глушили её кулаками... или что-нибудь по-

добное, – пояснила Тики. – Мы использовали руки как приманку, чтобы ловить сомов. Мы называли это нудлингом.

– Попробовать не хочешь нелепость сию? – воскликнул Лейк, рассмеявшись от одной мысли об этом. – Кулак свой как опускай наживку море в!

– Раз уж мы на движущейся лодке, то я предпочту старую добрую удочку, – ответил я.

– Уже поймал что-нибудь? – спросила Глэм.

– Вообще-то, нет, – признался я. – Но зато наслаждаюсь великолепным видом.

Я, собственно, и не собирался никого ловить. Если совсем честно, то я и сам не понимал, чем занят. Но четыре недели на тихоходном судне – это достаточно долго, и свободно-го времени нам хватало. День на пятый или шестой нашего путешествия я обнаружил на нижней палубе кладовку, в которой нашлись несколько старых удочек и какие-то снасти. Когда я был поменьше, мы с отцом несколько раз рыбачили на озере Мичиган в заливе Монтроз. Мне всегда нравилось проводить время на природе, хотя нам удавалось поймать лишь какую-то мелочь.

С тех пор как я нашёл катушку, я почти каждый день рыбачил не меньше часа. Однажды мне даже удалось поймать рыбу, но она сорвалась, прежде чем я успел подсечь её. Как я уже сказал, я не знал, чем занимаюсь. Я просто привязывал пластиковую наживку с тройным крючком к леске и бросал её за борт. Наверное, на такую приманку трудно было

поймать хоть что-нибудь. Но мне просто нравилось сидеть в спокойствии на корме и наслаждаться водными просторами (сначала Тихого океана, а затем Охотского моря), которые простирались вокруг нас.

Большую часть рыбалки я не переставал думать о противоядии для своего отца⁴. Когда меня держали в тюрьме Алькатрас, доктор Ельварин сказала мне, что я никогда не смогу приготовить противоядие, потому что три главных ингредиента исчезли тысячи и тысячи лет назад, ещё во времена Земли отделённой. Но перспектива поиска амулета Сахары в давно потерянном магическом государстве, которое было отрезано от всего мира с тех самых давних времён, давала мне некоторую надежду на то, что я смогу отыскать ингредиенты, которые считаются давно исчезнувшими:

1. Корень тафрогмаша длиною с палец;
2. Крылышко феи асрай;
3. Семь лепестков ядовитого цветка, который называют «нидиокори».

Но я не стану повторять своих ошибок. В этот раз я не допущу, чтобы мой личный интерес помочь отцу стал для меня важнее всеобщей цели. Я буду искать ингредиенты, когда выдастся свободная минутка, но не в ущерб главной задаче: поиску амулета.

⁴ Напомню тем, кто забыл, что эльфийский яд под названием «шавара марар ярда» практически превратил моего отца в идиота. А единственным лекарством, если верить эльфийской докторше, сварившей эту самую отраву, было другое зелье Земли отделённой с недостижимыми ингредиентами.

– Просто чтобы ты знал, – сказала Глэм, присаживаясь рядом со мной на палубу. – Капитан Вонюченок заметила вдали землю. Она сказала, что через пару часов мы сможем пристать к берегу. Поэтому можешь прекращать переживать о нашем несуществующем ужине и идти собирать свои вещи.

Тики и Лейк захихикали.

– Ладно, ладно, – сказал я, усмехнувшись. – Я сматываю удочки.

Они поднялись по лестнице на среднюю палубу. Я не сразу пошёл за ними, потому что хотел ещё минут пятнадцать посидеть в тишине и спокойствии, пока не начнётся настоящая миссия. После двадцати шести дней, проведённых на крохотном корабле в компании тридцати двух гномов, четырёх гребцов-бугганов и одного скального тролля, начинаешь ценить редкие минуты тишины.

Особенно сейчас, когда мы почти достигли цели нашего путешествия: отдалённого берега России.

Камешек не мог показать на карте место, где спрятан амулет, так, как это сделали бы вы или я, но в его голове хранились сведения, как дотуда добраться. Если быть точным, он сказал: «КАМЕШКА НАВИГАЦИОННЫЙ ПРЕДВЕСТНИК О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ПЕРВОГО КАМНЯ ЗНАТЬ С ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ТОЧНОСТЬЮ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ – ВСТУПЛЕНИЕ В МУНИЦИПАЛИТЕТЕ С НАИМЕНОВАНИЕМ ЧУМИКАН».

После долгих часов поисков на картах и в огромных кни-

гах, которые называют энциклопедиями, мы наконец нашли то, про что он говорил: крошечную прибрежную деревушку Чумикан в Хабаровском крае на Дальнем Востоке России. Эта малонаселённая местность, поросшая лесом, вполне соответствовала туманным описаниям магического царства, в котором, согласно древнему преданию, и хранился амулет. Большинство гномов давно стали называть это место просто: Затерянный лес.

Капитан Вонюченок была абсолютно уверена, что сможет высадить нас на берег всего в трёх километрах от Чумикана, используя в качестве ориентиров только настенную карту советской эпохи, солнце, звёзды и горизонт.

Я очень надеялся, что она не ошиблась, пока вытягивал приманку, чтобы потом собрать свои вещи в каюте и присоединиться к остальным на верхней палубе. Раньше я никогда не покидал Америку, и мне не терпелось впервые взглянуть на чужой берег.

Внезапно кончик удочки нырнул в океан. Сначала я решил, что приманку подхватило течением или корабль изменил скорость. Но затем кончик дёрнулся ещё несколько раз, и мне стало совершенно ясно, что с другой стороны за него дёргает кто-то живой.

Я бешено принялся сматывать леску, сам удивляясь своему восторгу.

Моя добыча почти не сопротивлялась, поэтому я продолжал наматывать леску. Иногда удочка дёргалась, но скорее

под собственным весом. Спустя несколько минут на глубине приблизительно трёх метров показалась зелёная рыбка. Крючок вцепился ей в губу, и вся она была едва ли больше наживки.

— Свежатинка на ужин! — воскликнул я вслух, репетируя то, как сообщу об этом своим спутникам, когда взойду на верхнюю палубу с рыбой в руках. Вот они удивятся. Все эти недели, проведённые в море, мы питались в основном вяленым и консервированным мясом, тушёнкой, беконом и венскими сосисками.

Но когда между рыбой и поверхностью моря оставалось каких-то полметра, из глубины проступила огромная тень. Она выросла быстрее, чем я успел сообразить что-либо.

Я всё ещё держал в руках удочку, когда появилась гигантская акула. Она раскрыла пасть и заглотила мою рыбку одним махом. Один из стеклянных чёрных глаз зверя сверкнул на солнце, прежде чем огромная туша развернулась и нырнула в глубину.

Леска начала разматываться, и до меня дошло, что огромная акула заглотила наживку вместе с рыбкой. Я вцепился в удочку изо всех сил, она выгнулась дугой, катушка так бешено вращалась, что казалось, она вот-вот задымится.

Но затем леска замерла. Видимо, акула ушла на максимальную глубину.

Я стоял на корме, перегнувшись через перила и уставившись в прозрачную глубину синего моря, видного в кильва-

тере. Леска отвесно уходила вниз, как будто акула находилась прямо под паромом.

Внезапно натяжение ослабло, леска всплыла на поверхность и теперь покачивалась на волнах, образуя петли и кольца. Я несколько раз крутанул катушку, но леска по-прежнему прибывала.

Сначала я решил, что акула, должно быть, просто выплюнула наживку или перекусила блесну. Но в таком случае натяжение ослабло бы гораздо резче. А всё происходило плавно, как если бы... акула плыла обратно на поверхность.

Эта мысль пришла мне в голову не сразу. Точнее, когда в толще воды показался заострённый нос и я увидел широкую улыбку, усеянную треугольными зубами. Всё это неслось вверх с немыслимой скоростью.

Двухтонная зверюга кинулась на меня, наполовину вывалившись на паром, в тот самый момент, когда я попятился и грохнулся на палубу. Её острые как бритва шероховатые зубы клацнули в полуметре от меня.

Только гном мог умудриться угодить акуле в пасть, находясь на корабле.

Но прежде чем зверюга дотянулась до моих ног, океан под её хвостом вскипел. Внезапно акулу подбросило высоко в воздух. Её хвост был зажат в челюстях морской твари, которую я распознать не смог.

На занятиях по монстрологии у нас была лекция про морских обитателей, но эта тварь не подходила ни под одно из

описаний, что мы изучали.

У неё было две головы. Обе они вцепились в пятиметровую акулу и с лёгкостью разорвали её пополам. Китообразная туша всё ещё продолжала подниматься из воды, и, к своему ужасу, я осознал, что она может запросто проглотить всю нашу лодку.

Как будто по сигналу, я резко взмыл в воздух.

Весь мир превратился в мешанину тёмной воды, голубого неба, облаков и нашего корабля, крутящегося в водовороте, как огромный пропеллер.

А затем моё лицо столкнулось с холодной поверхностью моря. Зрение затуманилось, когда морская вода обожгла глаза и хлынула в мою глотку солёной горечью. У меня перехватило дыхание, когда лёгкие обожгло ледяной водой. Кажется, она поглотила меня изнутри.

Моя одежда промокла, и естественная плавучесть исчезла, поэтому я начал погружаться в пучины Охотского моря. Холодная вода парализовала меня и лишила способности сопротивляться.

Свет померк.

Тёмные тучи наплывали на моё сознание. Я умру так же, как и мой топор Кровопийца: в водяной могиле на дне моря. «Вполне справедливо», – подумал я, ведь я сам отправил его туда. Но меня хотя бы не бросал за борт лучший друг. В этом смысле моя гибель была гораздо лучше, чем его. И я наверняка не заслужил такой щедрости.

Глава 3. В которой утонул Грегдруль Пузельбум: так себе рыбак, но ого-го какой неудачник

С самого начала моя главная задача в этой миссии была составлять компанию скальному троллю.

Всё-таки я нашёл способ всё испортить ещё до того, как оно началось. Лодка опрокинулась, я вот-вот погибну бесславной смертью на дне русского моря, про которое я никогда не слышал, а тем временем гномоядный морской монстр сожрёт моих друзей.

Однажды надо мной установят буй, который будет колыхаться на морских волнах. На моём плавучем надгробии⁵ будет написано: «Здесь утонул Грегдруль Пузельбум, так себе рыбак, но ого-го какой неудачник».

Ну, или что-то в этом духе.

«Грегдруль».

Знакомый голос пробился сквозь моё увядающее сознание, как острейший клинок.

«Кровопийца? – мысленно отозвался я. – Карл?»

⁵ Хотя у гномов специфическое отношение к местам погребений. Традиционные гномьи похороны представляют собой распыление пепла на природе или просто оставление своих близких разлагаться на том месте, где они пали, чтобы они снова слились с землёй.

Но как такое вообще возможно? Расстояние плохо сказывалось на нашей телепатической связи, а он в настоящую минуту лежал на дне залива в Сан-Франциско. Нас разделяло в буквальном смысле полмира.

Я решил, что это помешательство на фоне приближающейся смерти.

«Это не помешательство, но умрёшь ты очень скоро, если ничего не предпримешь, идиот ты эдакий!» – сказал голос.

Это определённо был голос Кровопийцы. Ну, насколько у топора может быть голос, конечно.

«Поверить не могу, что гном, которого я выбрал, ИЗБРАННЫЙ, может погибнуть в обычном происшествии на рыбалке, – продолжил голос. – Если бы я знал, что ты такой бесхребетный гвинт, я бы выбрал кого-нибудь другого. Например, того парнишку, который в прошлом году на уроках металлургии случайно заковал свою руку в цельный кусок стали. У него, по крайней мере, хватило мозгов придать ему форму, удобную для ковыряния в носу, прежде чем сталь застыла».

«Но что же мне делать? – мысленно задал я вопрос, уже почти потеряв сознание. – Я тону, и до поверхности слишком далеко, чтобы я успел вынырнуть».

Мой магический топор удивительным образом вздохнул в моей голове.

«Используй магию, тупица», – сказал он.

Ах, магия. Ну да.

Я уже почти забыл, что теперь в любое время могу использовать магию. С момента её полного возвращения те из нас, у кого были способности, могли применять заклинания в любое время. Теперь нам не нужно было обязательно принимать клубящийся туман, который мы называем гальдерватн. Теперь он был повсюду, он впитался в атмосферу, землю и в каждую клеточку всех живых существ.

«Превращение в камень сейчас вряд ли поможет», – подумал я.

«Остаётся лишь надеяться, что твой идиотизм и недалёкость – это последствия нехватки кислорода в твоих мозгах, Грегдруль, – сказал Кровопийца, – а не того, что ты просто отупел».

«Ты о чём?»

Я чувствовал, как погружаюсь в кромешную темноту.

«Магия гномов ограничивается только природными элементами, которые тебя окружают, – завопил Кровопийца так ярко, что это вдохнуло в меня ещё несколько жизненных секунд. – Ты же некоторое время ходил в человеческую школу».

«И что с того?»

«Ну и что вам рассказывали на химии? Вода из чего состоит?»

«Из водорода и кислорода, конечно же».

Точно!

Кровопийца был абсолютно прав: я конченный кретин.

Используя последнюю толику сил, я сосредоточился и направил все свои магические способности на атомы кислорода, которые окружали меня в воде. В морской воде есть также натрий и какие-то ещё примеси, но магия гномов действует по своим законам и правилам. Она не обязана опираться на химию. Поэтому мне не нужно было знать точный состав окружавшей меня воды.

Внезапно вода, которой я наглотался, вырвалась из меня наружу как из сверхмощного насоса. Когда она вышла вся, то вместо того чтобы дышать полной грудью под водой или отрастить магические жабры, я понял, что мне вообще не нужно дышать. Не знаю, что за заклинание я произвёл, но оно позволило мне поглощать кислород прямо через поры и доставлять его в кровь, минуя лёгкие.

«Ну наконец-то, Грегдруль, – сказал Кровопийца. – И чего ты теперь ждёшь? Плыви наверх и спасай друзей!»

Я ринулся к поверхности. Теперь, когда я больше не тонул, я грёб, как олимпийский чемпион, и тянулся к лучам солнца, которые проникали сквозь толщу воды.

Спустя, как мне показалось, считанные секунды я вынырнул на поверхность моря и глубоко вдохнул настоящий воздух. Оглядевшись, я понял, как далеко меня отнесло от места кораблекрушения.

Гномы барахтались среди обломков корабля почти в пятидесяти метрах от меня.

Но даже с такого расстояния я мог сказать, что они в боль-

шой беде. Потому что огромное чудовище, которое разрушило корабль, всё ещё было там, извиваясь всем телом в воде.

Я двинулся в сторону этой заварушки.

Подплыв ближе, я смог лучше рассмотреть чудовище. Оно было похоже на двух сросшихся морских змей, каждая толщиной с небольшой грузовик, которые переплелись между собой, как спутанные шнуры. Трудно было понять, где начинается одна и заканчивается другая, и неясно было, то ли они с рождения такие, то ли это два разных организма сплелись в один. Пока они, перекатываясь, бороздили поверхность, я заметил, что вдоль каждой «змеи» тянутся ряды плавников.

Там, где «змеи» разветвлялись в разные стороны, тела их переходили в две длинные шеи, каждая из которых оканчивалась головой. Головы были похожи, но всё-таки различались. Обе напоминали крокодила с очень короткой мордой. Из крепких челюстей, как пики, торчали десятки длинных неровных зубов. У одной, как борода, свисали склизкие щупальца, а у другой из лба выступали костяные шипы.

Тварь (или твари) устремилась к большому обломку. Семь гномов забрались на какую-то деревяшку и теперь наблюдали, как монстр приближается к ним. Одним из них была Глэм.

Она стояла в полный рост и грозила чудовищу кулаком.
– Только подойди ближе, гадина! – оглушительно вопила

она. – Я одной левой распутая тебя и сделаю из тебя отбивную, а правой в это время приготовлю маринад!

Головы жутко скрипели.

Кулаки Глэм превратились в сокрушительные булыжники, но я понимал, что ими нельзя остановить монстра, который слопаёт всю компанию в один присест.

Я отчаянно грёб в их сторону, пытаюсь вспомнить заклинание, которое придаст мне скорости. Но если магия гномов и способна была на мгновенную телепортацию (что вряд ли), у меня не оставалось времени даже на то, чтобы произнести заклинание. Обе головы чудовища уже склонились над потерпевшими, а я всё ещё был в паре десятков метров от них.

Но внезапно чудовище взмыло в воздух.

Сначала я подумал, что неосознанно вызвал заклинание, которое спасло положение. Но потом понял, что заклинание здесь совершенно ни при чём.

Просто очередное морское чудовище вцепилось в двухголовую тварь и стало размахивать ею во все стороны над водой. Двухголовый монстр жалобно заверещал, когда взмыл в воздух и отлетел почти на пятнадцать метров в море.

Я рассмотрел нового участника событий и тут же опознал его по рисункам в нашем учебнике по монстрологии.

Кракен.

В человеческой культуре кракенов обычно изображают как крупных тварей с щупальцами, внешне больше похожих на гигантских осьминогов или кальмаров, чем на что-то ми-

фологическое. Но это современные представления, основанные на рассказах моряков, которые в действительности видели гигантских осьминогов.

На самом деле кракены из Земли отделённой совсем другие. У них внушительные тела с огромными горизонтальными плавниками, как у китов, но ещё толще и крупнее. Например, этот конкретный кракен был вдвое больше голубого кита. Рот у него был просто бездонный. Кракены используют острые как бритвы когти на концах двух щупалец, растущих из их брюха, чтобы выхватывать жертву из океана и бросать её целиком в свою утробу. Также у них имеется по четыре тонких щупальца, которые они оборачивают вокруг своих толстых тел, когда плывут. Эти щупальца чем-то напоминают ноги гигантского краба, только более узловатые.

Короче, кракен является гигантской помесью кита и краба, у которой отросло множество шипов.

Кракен и двухголовое чудовище боролись в воде, сражаясь за потерпевших кораблекрушение (иными словами, судьба беспомощно барахтавшихся на поверхности воды гномов мало зависела от исхода поединка).

Схватка оказалась очень короткой, потому что кракен попросту оторвал одну из голов твари своими здоровенными когтями. Вверх, как из пожарного гидранта, ударила струя голубой крови, заливая всё вокруг. Оставшаяся голова взревела от боли и скрылась под поверхностью океана.

Кракен развернулся в сторону кораблекрушения, где Глэм

и остальные, насквозь пропитанные голубой кровью, в ужасе смотрели на чудовище. Два когтя на мощных длинных щупальцах вынырнули из воды и зависли над гномами, как будто дразнили их.

Я должен был действовать срочно.

К счастью, на уроке про кракенов я слушал очень внимательно и запомнил, что они хотя и гораздо умнее обычных рыб, но так же легко ведутся на яркие штучки, блестящие на солнце. Кракены никогда не были глубоководными существами. Наоборот, они держались в паре сотен метров от берега, залегая на дно, и солнечный свет помогал им замечать жертву, плавающую у поверхности.

Я достал свой кинжал Мрак из-за пояса. Он обладал способностью поглощать весь свет окрест себя буквально за секунды. Временная темнота подчеркнёт яркую вспышку света.

Я поднял кинжал, приказывая ему показать, на что он способен.

Волны, обломки, гномы и недоумевающий кракен – всё потонуло в крошечной тьме. Но океан никуда не делся, а вместе с ним и голоса моих друзей и разозлённого монстра, пытавшегося их съесть.

Я болтал ногами в темноте, взбивая воду, и держал Мрак над головой. Я знал, что вспышка, с которой вернётся свет, может произойти в любую секунду.

Несмотря на то что глаза мои были закрыты, я был ослеп-

лён ярким заревом, когда кинжал высвободил свет. Он был в разы ярче, чем вспышка большого фотоаппарата в тёмной комнате.

Когда я открыл глаза, то тут же понял, что мой план сработал. Вспышка отвлекла кракена. Он передумал есть Глэм и остальных несчастных, плавающих среди обломков. Он вообще уже был далеко от них.

Потому что плыл в мою сторону.

Глава 4. В которой кракен страдает вздутием живота

Хотел бы я рассказать, что и дальше вёл себя как герой. Что я сразил кракена всего лишь маленьким кинжалом и толикой гномьей магии и всех спас.

Но вы же меня хорошо знаете.

Я просто застыл от ужаса, пока чудовищная морская тварь приближалась ко мне, так широко распахнув пасть, что могла бы запросто снова целиком заглотить весь наш с папой старый магазин, если бы он вдруг оказался тут, посреди моря. Поэтому я просто барахтался, не в силах отвести взгляд.

Над пастью виднелись глаза кракена, которые совсем не походили на глаза акулы, совсем недавно пытавшейся меня сожрать. Глаза акулы были бездонными чёрными пучинами, в которых не отражалось ничего, кроме хищного инстинкта с программой по выживанию, как и заложила в неё природа. Но четыре глаза кракена, два по бокам головы и два впереди, казались почти человеческими. Понимаю, что это звучит дико, особенно если учесть, что каждый глаз в отдельности был не меньше автомобиля. Внешне они совсем не напоминали человеческие глаза. Внушительные серебристые зрачки, окружённые всевозможными оттенками жёлтого. Но в то же время, когда я взглянул в глаза кракену, несмотря на его

раскрытую пасть, в которой виднелись тысячи острых «зубов» вытягивающихся из глотки, чтобы схватить меня и закинуть в брюхо, клянусь, это был осознанный взгляд. В нём угадывались эмоции. Может, даже сочувствие.

Но миг спустя у меня перед глазами раскинулась только пасть размером со стадион.

А сразу после этого наступила крошечная темнота, потому что чудовище проглотило меня.

Я был бы уже, наверное, мёртв и вы бы закончили читать, вероятно, самую короткую в истории литературы третью часть повести, если бы не два важных фактора:

1. По сравнению с обычными жертвами кракена я был слишком мал, так что умудрился проскользнуть между передних зубов, когда меня втянуло внутрь вместе с галлонами морской воды;

2. Отголоски инстинкта самосохранения всё-таки проснулись во мне, и по пути в брюхо чудовища я почувствовал, что превратился в камень. Если бы я не сделал этого, то меня бы разрезало на мелкие кусочки, потому что пищевод кракена оказался усеян острыми костями размером с меч.

Когда я превратился обратно в гнома из плоти и крови, то свалился во влажное, вязкое варево гниющих останков рыбы, оказавшись в главном отделе желудка кракена. Было темно, хоть глаз выколи, и вокруг плавал воздух такой спёртый и влажный, что каждый вдох представлялся мне последним и я изо всех сил старался задерживать дыхание как можно

дольше.

Но прежде чем начать волноваться по этому поводу, мне следовало разобраться, куда я, собственно, попал и что случилось.

«Тебя проглотил кит на крабьих ножках, вот что случилось», – сказал Кровопийца.

«Это я сам знаю», – огрызнулся я, пытаюсь встать на ноги.

Но стоять было не на чем. Мои ноги вязли в бездонной массе из морских чудовищ, постепенно разъедаемой желудочным соком – тем самым, от которого мои поцарапанные руки начали дико чесаться, как будто я подхватил чесотку.

«Как ты вообще можешь разговаривать со мной прямо сейчас? – подумал я. – Ты где-то рядом? Ты что, можешь путешествовать под водой?»

«Ха. А что, тебе бы этого хотелось? Только представь, будто я в твоих руках. Если бы ты не выбросил меня, как двухнедельный мусор, я бы с лёгкостью вызволил тебя отсюда. Да и вообще, если я был бы по-прежнему с тобой, ты бы здесь даже не очутился».

Я собирался придумать остроумный ответ (нет, серьёзно, клянусь, я почти придумал хлёсткую реплику), но мне не дали этого сделать. Внезапно меня отбросило в сторону, и я с головой погрузился в отвратительную массу в желудке кракена. Затем последовали толчки и тряска, пока я пытался вынырнуть на поверхность и не нахлебаться переваренных останков и желудочного сока.

Очевидно, кракен вертелся, возможно, сражаясь с кем-то или чем-то.

Мне нужно было выбраться наружу, чтобы помочь остальным. Ну и вообще, мне не хотелось умереть медленной мучительной смертью, будучи разъеденным кислотой.

«Это куда лучше, чем провести вечность на дне океана по соседству с самовлюблённым, самоуверенным городом с завышенной самооценкой!»

Я до сих пор не могу определиться, было ли возвращение Кровопийцы (пусть только и в моей голове) приятным или раздражающим, потому что он только и делал, что отпускал острые комментарии, вместо того чтобы действительно помогать мне.

Кракен снова дёрнулся, и моя голова наконец-то вынырнула из вязкой массы. Я вытерся, насколько это было возможно, и сделал короткий сдавленный вдох внутри вонючего желудка.

Для того чтобы выбраться, мне первым делом нужен был свет. В конце концов, я даже не знал, насколько большой этот желудок. Если я всё правильно понял, то я ещё даже не прикоснулся к внутренней поверхности его стенок. Но откуда взяться свету в таком тёмном месте?

«Может быть, подожжёшь сероводородные газы, а?» – предложил Кровопийца.

«Ха-ха».

«Я просто пытаюсь помочь».

Я всё ещё крепко сжимал рукоятку Мрака. Но обладал ли этот кинжал магическими силами, способными произвести обратный эффект? Если я воспользуюсь им в месте, где нет вообще никакого света, то, может быть, он вместо того чтобы поглотить свет, произведёт его?

Я вскинул клинок вверх, желая, чтобы случилось именно это.

Ничего не произошло.

В желудке было по-прежнему темно.

Я старался не поддаваться панике, зная, что истерика отберёт ещё больше кислорода, а его и так осталось немного.

В конце концов существуют и другие способы извлечь свет. Например, с тех пор как несколько месяцев назад я подпалил собственные штаны, сражаясь с горгульей, я оттачивал своё магическое мастерство в этом направлении, то есть в поджигании вещей. И за последние недели на корабле неплохо натренировался в этом⁶.

Я сконцентрировался на лезвии Мрака, не зная, сработает ли магия на металле. К моему удивлению и радости, лезвие вспыхнуло ярким бело-жёлтым пламенем.

Которое тут же погасло.

Я ахнул, и в голове просветлело. Что на самом деле означало, что последние остатки кислорода в желудке подошли к концу.

⁶ Если не считать того недоразумения, когда я чуть не испепелил попугая Финнегана, который, напомню, был левой рукой капитана.

«Ага, потому что ты только что использовал их, чтобы за-
жечь свой кинжал, умник», – сказал Кровопийца.

Чёрт!

Как я мог забыть, что огонь поглощает кислород, как верблюд – воду? Ведь верблюды пьют много воды. Постойте. А точно верблюды пьют помногу воды? Или я уже страдаю от последствий асфиксии?

«Наверное, и то и то», – спокойно заметил Кровопийца, как будто его совсем не волновало, что случится с моей жизнью.

«Помоги мне!» – отчаянно подумал я в ответ.

Ответа не последовало, и я начал короткими гребками пробираться через желудочную жижу. В темноте было очень трудно сориентироваться, и оставалось только надеяться, что я плыл прямо, а не нарезал круги в прогорклом рыбном супе. Но узнать наверняка можно было, либо дождавшись, когда я выдохнусь и умру, либо добравшись до стенки желудка.

Спустя несколько секунд моя рука коснулась склизкой, горячей стены плоти. У неё не было начала и конца, и рука просто шарила по гладкой поверхности. Наверное, это и было дно брюха кракена.

Я немедленно воткнул Мрак в плоть монстра, и у меня перед глазами проплыли картины, как я прорезаю себе путь наружу.

Клинок сделал надрез, потом ещё один. Я упорно продол-

жал кромсать и полосовать по одному и тому же месту, размахивая кинжалом направо и налево, изо всех сил стараясь не выпустить скользкую рукоять. Правда, мне казалось, что я ни капельки не продвинулся, и, когда я остановился, чтобы проверить свои успехи, выяснилось, что это так и было. Надрез, который я сделал, был не больше пары десятков сантиметров в длину и нескольких сантиметров в глубину и уже надвигался на меня: желудок сжимался, помогая себе лучше переварить содержимое.

Толщина стенок желудка у кракена не меньше – а то и больше – метра. Может быть, и гораздо толще. Чтобы пробиться сквозь него с маленьким кинжалом, мне придётся потратить несколько часов. Но этих самых часов у меня не было – от силы секунд двадцать, прежде чем я задохнусь от нехватки кислорода, если верить ощущениям в лёгких и плывущей голове.

«К тому же, даже если ты и прорежешь себе путь сквозь стенки желудка, – добавил Кровопийца, – твой нож ни за что не справится с плотными слоями мышечной массы, окружающей желудок».

«И что теперь? Умирать?»

«Грегдруль, иногда разговаривать с тобой – всё равно что общаться с каменной коровой. Воспользуйся магией гномов, олух ты эдакий!»

Мой топор был прав. Почему бы мне ещё раз не прибегнуть к магии? Видимо, то, что я провёл большую часть

жизни без неё, не давало мне привыкнуть к новой реальности, в которой мои возможности технически были ограничены только малыми потребностями, скудным воображением и скромными амбициями.

Я ещё раз отчаянно глотнул спёртый, едкий воздух с избытком метана и попытался прикинуть, что из того, что меня окружает, может мне действительно пригодиться. Если я не мог прорезать себе путь наружу, как по-другому я мог бы выбраться из закрытого пространства?

Бомба могла бы помочь, но...

Постойте-ка!

Что я там только что упоминал?

Ответ буквально витал в ядовитом воздухе, который я вдохнул в очередной раз: метан.

Когда пища переваривается, одним из сопутствующих продуктов выделения является метан. Обычно животные способны избавляться от него, отрывая или выпуская газы. А что, если я немного ускорю процесс пищеварения? Что, если процесс будет идти гораздо быстрее, чем газ успевает выделяться естественным путём?

«Собираешься выбраться с помощью гигантского пука?»

«Нужно же мне хоть что-нибудь сделать», – подумал я.

«Нет, нет. Мне нравится эта идея. Серьёзно. С удовольствием понаблюдаю. Уверен, это будет нечто».

Я даже не стал терять время, чтобы понять, издевается ли Кровопийца надо мной или говорит серьёзно. Вместо этого

я сконцентрировал всю свою энергию на биообезвоживании. Я старался усилить энзимы в желудочной кислоте, расщепляя органические материалы. Я не был уверен, что мне надо вдаваться в такие подробности, но вреда от этого точно не было. В конце концов, я был на грани отчаяния, а это одно из условий творения гномьей магии.

Внезапно я пошёл ко дну. Не в пучину жижи, а вместе с ней. Стенки желудка кракена стали расширяться.

Сработало!

Кто бы мог подумать, что уроки естествознания в человеческом мире однажды помогут мне выбраться из нутра кракена, причём во времена, когда прежние законы науки перестали действовать?

Мы, можно сказать, вступили в противостояние с самим океаном, пока чудовище наполнялось газом. Меня бросало из стороны в сторону, когда кракен метался в воде от желудочных колик.

Я поднял Мрак и сосредоточился на лезвии, используя потенциальную биоэлектрическую энергию вокруг меня, чтобы разогреть металл. Время тянулось медленно, но наконец чёрная сталь покраснела. Света было немного, но достаточно, чтобы я мог разглядеть, что желудок расширился до размеров огромной, способной к перевариванию органики аудитории, в которой обнаружилось кислотное озеро, рыбы кости, деревянные и металлические обломки кораблей и полупереваренные скелеты акул.

Стенки желудка по-прежнему раздувались вширь, и теперь их было почти не видно. Наверное, снаружи кракен стал похож на воздушный шарик, притворяющийся морским монстром. Теперь он скорее напоминал забавное украшение на День благодарения, чем живого кракена. Думаю, что стороннему наблюдателю могло показаться, что он вот-вот взорвётся.

И он действительно взорвался.

Глава 5. В которой я превращаю залив Уды в крупнейшее в мире джакузи

Только через несколько секунд до меня дошло, что кракен действительно взорвался.

В ушах засвистел воздух, а затем меня ослепила яркая вспышка солнечного света. Перед глазами завертелось ярко-синее небо, а в лёгкие хлынул свежий поток морского воздуха.

Спустя несколько незапланированных кувырков я плюхнулся в море, как никогда радуясь леденящей прохладе солёной воды.

Я вынырнул на поверхность и сделал несколько глубоких вдохов. Промыв глаза от остатков рыбьей бурды, я, наконец, смог оценить картину произошедшего.

Повсюду плавали ошмётки кракена.

Внутренности и мышечная ткань покачивались на волнах. Более крупные куски, вроде двух крабьих ног, всё ещё соединённых с телом, быстро опускались на дно. Кровь и слизь нефтяным пятном растеклись по поверхности воды. Скелеты рыб, обломки лодок и прочее содержимое желудка разлетелось на десятки метров во всех направлениях.

Но больше ничего видно не было.

Никаких следов нашего корабля, последствий крушения, останков двухголовой змеи, никого из оставшихся в живых участников экспедиции. Всё, что я увидел, — это останки кракена и восхитительный вид серо-зелёной полосы земли метрах в двухстах от меня.

Неужели кракен успел отплыть так далеко от места нападения? Либо произошло именно это, либо одно или оба морских чудовища сожрали остальных членов нашей команды и всё, что осталось от «Пауэрхэма». Но это вряд ли. Даже несмотря на невероятные габариты обоих монстров.

Я постарался выбросить подобные мысли из головы и погрёб к берегу, изо всех сил стараясь не касаться останков монстра, плавающих в воде вокруг меня.

Спустя всего лишь пару метров я наткнулся на что-то твёрдое. Когда я оттолкнул предмет в сторону, стало ясно, что это не что иное, как изжёванные и окровавленные обломки сверкающей, украшенной витиеватым орнаментом амуниции главнокомандующего Громоцветного. Он никогда не расставался с ней. Вообще. Даже ранним утром во время завтрака в нашей временной столовой на корабле. Поговаривали, он даже принимал душ и спал, не снимая своих доспехов.

А это значило, что командующий миссией и, вероятно, величайший из ныне живущих гномов военный офицер скорее всего был съеден кракеном.

Я оттолкнул латы в сторону, скинув их с куска китового жира, который поддерживал амуницию на плаву. Нагрудная

пластина мгновенно пошла ко дну.

Я ещё быстрее заработал руками и ногами в ледяном океане, стремясь выбраться на сушу прежде, чем натолкнусь на останки других своих товарищей.

Берег впереди был грифельно серым и каменистым, с плотным строем деревьев, возвышавшихся на невысоком гребне. Никого из людей видно не было.

Вода была обжигающе холодной, и я старался согреть себя гномьим заклинанием. Получалось не очень (точнее, вообще никак), но попытки отвлекали меня от пронизывающего холода солёной воды и расстояния, которое мне нужно было проплыть.

«Кровопийца? – позвал я. – Карл?»

Тишина.

Он игнорирует меня? Или просто та связь, которая была у нас ещё несколько минут назад, вновь исчезла?

Я не знал ответа, поэтому просто продолжал плыть.

Ближе к берегу вода стала мутной, менее плотной и более тёплой (насколько это возможно на севере). Значит, сюда откуда-то попадает пресная вода. Хороший признак, потому что на огромной карте России, висевшей в каюте капитана Вонюченокки, была нанесена крупная река Уда, впадавшая в Охотское море рядом с городком Чумикан. Поэтому я, по-видимому, был недалеко от места нашего назначения. Если, конечно же, меня не отнесло к устью какой-нибудь совершенно другой реки.

Спустя, как мне показалось, час гребли, я заставил себя поднять голову и бросить взгляд сквозь накатывающие коричневатые волны на берег.

Мне показалось, что теперь я каким-то образом очутился ещё дальше!

Должно быть, здесь очень сильное течение. Я ни за что не смогу плыть против него, но, может быть, я смогу пронестись вперёд с помощью магии, как я раньше делал с ветром? То же самое заклинание должно сработать и в воде. Теоретически. Потому что вода, в конце концов, тоже природный элемент планеты.

Почти сразу же после того, как я попробовал применить заклинание, сосредоточившись на необходимости добраться до берега, я почувствовал волнение у себя за спиной. Как будто в воду прямо за мной опустили огромный и очень мощный комплекс джакузи. Магическое течение понесло меня вперёд так стремительно, что в стороны пошли волны. Я старался удерживать голову на поверхности, пока разрезал толщу воды, как моторная лодка.

Уже через несколько минут каменистый пляж стал гораздо ближе. Я постарался отменить заклинание, когда почти вплотную приблизился к неприветливому берегу, который, как я надеялся, был восточной Россией. Но я развил слишком большую скорость.

Несколько мгновений спустя я кувырком выкатился на галечный пляж. Набив несколько незначительных шишек, я

всё же остановился, чуток полежал, а потом с опаской поднялся, чувствуя твёрдую землю под ногами впервые за прошедший месяц.

Берег представлял собой бесконечный серый каменистый пляж, простиравшийся в обе стороны от меня. Метрах в десяти от кромки воды начинался пологий склон, на вершине которого стояла плотная стена высоких елей сибирских (или *pricea obovate*) и пихт белокорых (*abies nephrolepis*).

Вокруг не было ни домов, ни каких-либо признаков присутствия человека, если не считать деревянного и пластикового мусора, который прибило к берегу. Не было даже опор электропередач или старых рыбацких снастей.

Мы планировали пройти пешком несколько миль на север до деревни Чумикан и оттуда двинуться на запад, в мрачные, скалистые и почти необитаемые сибирские леса Хабаровского края. Мозг Камешка был нашим проводником ко входу в Затерянный лес, где, по слухам, был скрыт амулет Сахары.

Поскольку я не знал, где очутился, то не знал и куда идти. Но по крайней мере, я догадывался, что Чумикан расположен недалеко от устья реки Уда, поэтому самым естественным было идти вдоль берега моря, ориентируясь на мутноватую пресную воду. Так я доберусь до реки (ну и до городка, наверное).

Хоть что-то для начала.

Я вздохнул и вскарабкался по каменистому берегу к стене деревьев. Склон оказался более крутым, чем виделось мне

снизу, но, цепляясь Мраком, я смог добраться до леса и оглядеть то, что, я надеялся, было рекой Удой.

Лента коричневатой воды впадала в море, а другой её конец терялся среди густого леса. Я предпочёл направиться туда.

Пока я продирался сквозь деревья, я снова попытался телепатически позвать Кровопийцу.

«Карл? Скажи что-нибудь».

Снова молчание.

Лес был противоестественно тихим. Ни птиц, ни животных, ни голосов – абсолютно ничего. Единственным шумом был шёпот океанского бриза и мои собственные шаги, шуршавшие по сухой лесной земле.

Где же Кровопийца? Он действительно разговаривал со мной в океане? Или это всего лишь плод моего воображения?

Спустя удивительно короткую прогулку по лесу – не больше пары сотен метров – я наткнулся на прогалину среди деревьев. Светло-серая пыльная гравийная дорога петляла вдоль берега.

Благодаря изучению карт я знал, что в этом регионе не было дорог, нанесённых, собственно, на карту (если я всё-таки очутился поблизости от того места, куда мы планировали прибыть), и поэтому я решил, что этот путь обязан вывести меня к Чумикану.

Я собрал в кулак всю свою волю и направился по открыв-

шейся мне дороге.

Дорога шла вдоль берега, абсолютно пустынная, если не считать старого ржавого грузовика, покоившегося в траве в сотне метров от меня. Теперь такая картина уже никого не удивляла. Больше не существовало ровных рядов припаркованных у домов машин.

Когда гальдерватн вернулся полностью, примерно через неделю после моего освобождения из плена Эдвина в Алькатрасе, мир буквально погрузился в хаос. Вместе с возрождением магических тварей и созданий пришёл безвозвратный конец всевозможным механизмам. Не только компьютерам и электричеству, но и всему, у чего был двигатель. Никто не знает почему, но даже очищенное топливо лишилось энергии. Можно было бросить спичку в бочку с бензином или нефтью – и ничего не случилось бы.

Современное общество оказалось на грани краха.

Большинство людей, кроме особо упёртых, были абсолютно уверены, что произошло вторжение инопланетян и к прежним устоям жизни возврата уже никогда не будет. В большинстве стран ввели чрезвычайное положение и рекомендовали своим жителям по возможности оставаться дома. Похоже, наступали мрачные времена. Впору было поддаться панике, но я всё ещё верил в предсказание своего отца о том, что мы сможем найти способ обернуть разгулявшуюся магию во благо и добиться наступления вечного мира и процветания на планете. Что мы можем использовать магию,

чтобы создать реальность, какой ещё не было на Земле: реальность всеобщего согласия и единения с природой.

Знаю, что это кажется смешным, но я старался верить, что это возможно.

Не хотелось даже представлять, что может случиться при ином раскладе.

Но этот конкретный грузовик у дороги заржавел уже очень давно. Он явно пролежал тут несколько десятилетий и не был жертвой гальдерватна. В любом случае он был знаком цивилизации и давал мне надежду, что я приближаюсь к месту назначения. Чумикан был единственным помеченным населённым пунктом на много километров вокруг рядом с местом предполагаемого расположения Затерянного леса.

Сразу за развалинами грузовика обнаружился одинокий дорожный знак, грубо вырезанный из дерева, на котором краской от руки было что-то написано по-русски. К сожалению, я не понимал, что означают слова, начертанные кириллицей на его поверхности. Но я решил, что это ещё один признак того, что я двигаюсь в нужном направлении.

Я весь дрожал, пока шёл. Ледяной ветер, продувавший мою насквозь промокшую одежду, делал путешествие почти невыносимым. Мне казалось, что мои кости бренчат друг об друга, когда я вздрагивал от холода. Солнце уже спускалось к горизонту, унося с собой последние крохи тепла.

Даже если я отыщу Чумикан в конце пути, что тогда?

Остались ли там ещё жители? По старым данным, их было не больше тысячи.

Говорит ли кто-нибудь из них по-английски?

А даже если и говорит, станут ли они помогать пришельцу, который приплыл из-за моря? Дадут ли они погреться у своего огня? Или скажут убираться, или что похуже? Помогут ли они мне найти моих друзей?

Но больше всего меня пугала другая мысль: а остались ли у меня друзья, которых нужно искать?

Что, если я теперь здесь совсем один?

Что, если теперь эта бредовая затея по спасению мира целиком и полностью легла на мои плечи?

Глава 6. V kotoroj Greg vonyaet kak konskiy zad

Чумикан оказался больше, чем я ожидал.

Я шёл по пыльным улицам тихого, по всей видимости, заброшенного прибрежного городка, удивлённый тем, что всего на тысячу человек потребовалось столько зданий. Мне показалось, там даже гостиница была, хотя трудно было сказать наверняка, потому что по-русски я не читал. Неожиданный размер города только усиливал гнетущее и пугающее ощущение из-за отсутствия людей, животных и иных признаков жизни.

Солнце почти село, осветив дорогу передо мной таинственным оранжевым светом. Я шёл по тёмным улицам, невольно дрожа всем телом. Ноги так замёрзли, что я почти не чувствовал их. Температура была градусов десять, но поскольку я вылез из моря, где промок до нитки, то мне казалось, что сейчас минус десять.

«Карл, ты можешь мне помочь?» – подумал я в последний раз, когда в одиночестве шагал по улицам к северо-западной окраине города.

Теперь я был уверен, что наше с ним общение в океане мне померещилось. Помутнение рассудка, вызванное шоком, ледяной водой или адреналином. Удивительно, но я

впервые столкнулся с серьёзной опасностью, с тех пор как бросил свой топор в залив Сан-Франциско.

Ари выковала для меня новое оружие, чтобы заменить Кровопийцу. Новый топор оказался удобнее и легче, чем зачарованный раритет из гномьих легенд. И характером он был тоже попроще, начиная с того, что он вообще не разговаривал: ни телепатически, ни как-либо ещё. Если учесть, что для своих лет Ари была просто великолепным кузнецом, то топор получился замечательным и наверняка отлично послужил бы мне в схватке. Но об этом я никогда не узнаю, потому что он, очевидно, теперь покоится на дне Охотского моря вместе со всем, что осталось от ПВГЛ «Пауэрхэм».

Но зато у меня остался мой проверенный кинжал Мрак.

Я вложил его в ножны и спрятал, прикрыв рубашкой, чтобы его не было видно. Мимо проплыли ещё несколько погружённых в темноту зданий. Одно из них было магазином или бакалейной лавкой, которую не открывали уже несколько недель как минимум. На полках, видневшихся через мутные витрины, не было ничего, кроме залежалой пыли.

На двери висела табличка, очевидно, с надписью «ЗАКРЫТО».

Стало так темно, что я больше не мог видеть вдали вершины гор. Они слились с мрачными, низкими облаками. Стояла гробовая тишина, а я всё ещё оставался промокшим и продрогшим, но в эту минуту мне вдруг захотелось оказаться в лесу. Как будто провести ночь в одиночестве посреди

леса не так страшно, как остаться здесь – в маленькой заброшенной русской деревне.

Я обхватил свои озябшие плечи, старясь унять дрожь, и двинулся дальше мимо тёмных окон и закрытых дверей. Несколько жилых домов, несколько торговых точек, рынок и какая-то забегаловка – на столах внутри по-прежнему стояли тарелки и стаканы, как будто люди покинули её в один момент. Местами встречались грязные машины по обочинам и на парковках, где они нашли своё последнее пристанище.

Уже подойдя к окраине города, приблизившись к реке Уде, я обернулся, чтобы поискать огонёк в окнах домиков, оставшихся за спиной. Хоть какие-то признаки жизни. Пусть в мире не осталось электричества, но я был бы рад огоньку свечи или костра.

Но с того места, где я стоял, была видна лишь подступающая темнота.

И тут я увидел её.

Маленькая девочка с тёмными волосами стояла у тропинки за домом, всего в нескольких проулках от меня. На ней была бирюзовая куртка. Она явно наблюдала за мной. Мы оба замерли и уставились друг на друга в темноте, потому что каждый боялся, что любое неосторожное движение отпугнёт другого.

На вид ей было лет семь или восемь, но на таком расстоянии трудно сказать наверняка.

Я вымученно изобразил дружескую улыбку и помахал ру-

кой.

– Привет! – крикнул я.

В окружавшем нас запустении мой голос, эхом прокатившийся по округе, казался визгливым и надтреснутым. Несколько «приветов» укатилось в лес.

Глаза девочки округлились, а потом она развернулась и побежала.

Не задумываясь о том, что, наверное, страшно, когда тебя в темноте преследует упитанный незнакомец, я инстинктивно кинулся за ней следом. Только когда она бросилась наутёк, я понял, как рад был увидеть живого человека.

Но, даже если забыть про это, я был просто обязан догнать её. Она наверняка знала место, где я мог согреться и обсушиться. Без этого сомневаюсь, что смог бы пережить ночь, которая обещала быть очень холодной.

– Постой! Я просто хочу поговорить! – кричал я ей вслед.

Она не обернулась и свернула на одну улицу, потом на другую. Крошечная деревня казалась бесконечной, когда я бежал через сплетенье грязных улиц и проулков.

Я уже почти догнал беглянку, когда она неожиданно нырнула направо, в ворота, а потом быстро пробежала по дорожке перед домом и юркнула в дверь.

Я остановился перед воротами и перевёл дыхание, прежде чем подойти к двери. Слабый мерцающий свет свечи или какого-то другого огня виднелся за тонкими выцветшими жёлтыми занавесками.

Грязная белая дверь держалась на ржавых петлях.

Я несколько раз постучал (очень вежливо, как мне казалось).

Никто не ответил, но я услышал тихое перешёптывание внутри.

– Прошу вас! – крикнул я. – Мне нужна помощь! Просто место, где можно согреться, – и я продолжу свой путь.

После чего я снова несколько раз очень настойчиво постучал и спрятал озябшую руку обратно в карман.

– Прошу! – повторил я, стараясь не скулить и не думать о возможности замёрзнуть насмерть на крыльце чужого дома где-то на окраине России.

Я ждал, размышляя, стоит ли быть более агрессивным или, наоборот, начать стонать и умолять о снисхождении. Я, конечно, мог найти другой дом (который окажется заброшенным) и просто вломиться внутрь. Но к счастью, мне не пришлось выбирать между этими вариантами, потому что дверь наконец-то открылась. Правда, совсем чуть-чуть. За ней показались плечо и половина лица пожилого мужчины.

Он был высоким, выше среднего роста, с абсолютно седыми волосами и упрямыми бровями. На его худом и измождённом лице было недовольное выражение, подчёркнутое встопорщенными усами.

В эту минуту в мою голову закралось подозрение, что я постучался в дом к эльфам. Что было маловероятно, потому что Совет сказал нам, что восточная Россия населена в

основном людьми, с примесью гномов и совсем уж малым количеством эльфов.

Но мне же, как всегда, везёт.

– Chevo ty khochesh, гвинт? – прорычал мужчина.

По-русски я, конечно же, не говорил, поэтому ничего не понял, но последнее слово прояснило три вещи:

1. Я действительно среди всех русских домов и деревень наткнулся на тот, который принадлежит эльфам (что лишний раз подтверждает удачливость гномов);

2. «Гвинт» одинаково произносится как минимум на двух языках;

3. Он знал, что я гном, и не был рад меня видеть.

Но даже если бы я встретил гнома, то не факт, что меня приняли бы лучше. Командующий Громоцветный утверждал, что большинство гномов в России полностью отказались от своих истинных корней. Он уверял, что местные гномы отвергают любые намёки на то, что они являются кем-то иным, кроме как людьми; и, пока мы плыли через океан, предупреждал нас держать ухо востро. «Никому не доверяйте, – неоднократно повторял он. – Те, кто живёт на Дальнем Востоке, не зря решили отстраниться от всего! Они полностью отказались от своих связей с Землёй отделённой. Давным-давно они предпочли современный мир, и у них нет ничего общего с гномами!»

Так что если уж русские гномы так относятся к гномам, то могу себе представить, что думают обо мне местные эльфы.

– Chto sluchilos', гвинт? – снова заговорил мужчина, как мне показалось, очень враждебно. – Ty gluhoy, tupoy ili i to, i to?

– Не... не знаю, – пробормотал я. – Не понимаю. Но я замёрз и промок. Мне просто нужно место, где я мог бы переночевать, а затем я уйду своей дорогой.

Мужчина уставился на меня. Я по-прежнему не знал, понимает ли он по-английски.

– Ukhodi, takim kak ty tut ne mesto. – Он яростно замахал руками, как будто хотел, чтобы я огляделся вокруг. – Vy zabrali u nas vsyo!

– Пожалуйста... хотя бы скажите, где я могу найти помощь, – снова начал я.

Мужчина с отвращением покачал головой.

– Uhodi!

Он почти захлопнул дверь, но тут перед ним возникла та самая маленькая девочка и схватила его за руку. Сначала на его лице отразилось недоумение, потом раздражение.

– Vozvrashchaysya vnutr', eto tebya ne kasaetsya! – сказал он ей.

– My ne mozhem prosto ostavit' ego tam, – ответила она.

– Он – гвинт! – крикнул мужчина, махнув в мою сторону. – On navernyaka opasen i kak minimum vonyuchiy.

– Он vonyaet kak konskiy zad, – сказала девочка, зажимая нос рукой. – No on zamyorz i mokryy. On umryot na ulitse segodnya vecherom. My dolzhny pomoch' yemu!

– Net.

– Da, papa! – настойчиво сказала девочка, оживлённо жестикулируя. Они явно спорили о том, что делать со мной. – My vsyo yeschyо horoshiye lyudi. My ne mozhem otvergnut' nuzhdayushegosya. I ne vazhno, гвинт он ili net!

Старик посмотрел на неё и, наконец, неохотно вздохнул. Очень неохотно. Если честно, то этим вздохом он явно хотел показать мне, как он меня ненавидит.

– Horosho! – буркнул мужчина, отходя в сторону. – On mozhет sogret'sya i vysokhnut'. No potom он uynet!

Девочка улыбнулась и посмотрела на меня, а потом махнула рукой, приглашая войти.

Большинство гномов при этом развернулось бы и убежало (если этого не произошло раньше). Они лучше бы доверились медведю где-нибудь в чаще, чем поверили бы эльфу.

Но я не был большинством.

Мой бывший лучший друг был эльфом. Правящим эльфийским лордом, если быть точным. Кроме того, пока я почти целый месяц был его пленником, мне повстречались десятки других эльфов. И большинство из них оказались такими же сердечными, как гномы или люди, которых я встречал в своей жизни. Этот опыт показал мне, что, несмотря на природные различия, у нас было больше общего, чем всем казалось.

В общем, в том случае, когда большинство гномов с криками убежали бы в лес, чтобы умереть там от холода в гордом

одинокестве, я благодарно улыбнулся маленькой эльфийке и
прошёл за ней следом в тёплый дом.

Глава 7. В которой двум смертям не бывать, а одной не миновать

Воздух в доме трещал от напряжения.

Мы сидели за их маленьким обеденным столом в комнате, освещённой только жёлтыми огоньками пламени в печке в углу. Меня завернули в огромную пижаму (принадлежавшую, как я решил, старику) и широкое одеяло. Моя одежда сохла на верёвке, натянутой у огня.

По выражению лица мужчины я понял, что, как только я уйду, пижаму он тут же сожжёт.

Тарелка со свекольным супом стояла передо мной наполовину пустая. И мне пришлось себя заставлять, чтобы съесть даже столько. Ну как это – борщ без мяса? Да где это видано! Но я не хотел показаться невежливым и заставил себя проглотить ещё пару ложек. Спасало то, что я был голоден, Впрочем, как и во всё остальное время своей жизни⁷.

– Благодарю вас за вашу доброту, – сказал я мужчине.

Он посмотрел на меня, явно поняв, что мне не по вкусу его борщ.

– On govorit spasibo, – перевела мои слова девочка.

– On blagodarit menya, a sam korchit rozhi! – яростно фыркнул

⁷ Говорят, что у гномов есть два состояния сытости: 1. Умираю с голода, 2. Чего бы съесть?

нул мужчина в ответ.

– Что он сказал? – спросил я у девочки, которая представилась Розой.

Её английский оказался на удивление приличным для такого юного существа, живущего в такой глуши.

– Он сказал «не стоит благодарности», – ответила она, хотя мы оба знали, что мужчина на самом деле сказал что-то совсем другое.

Несмотря на очевидное напряжение в воздухе, я знал, что должен хотя бы попытаться что-нибудь узнать у этих эльфов. Слишком многое было на кону.

Формально война между гномами и эльфами не возобновилась, но, учитывая, что Эдвин пытался захватить власть над всей магией с помощью древнего амулета, а эльфы из Верумку Генус (возглавляемые моим старым школьным врагом Перри Шарпом) сейчас набирали армию из тысяч монстров, чтобы захватить мир силой, это было лишь вопросом времени. Я не имел права сворачивать с пути и обязан был закончить миссию, даже если мне придётся сделать это одному.

Я должен выяснить местонахождение амулета Сахары раньше Эдвина.

– Спроси его, как мне найти реку Джана, – обратился я к Розе. – Долго до неё добираться?

Хотя у меня не было карты Камешка, которая существовала лишь в его голове, я всё-таки знал, что точка, с которой надо начинать, это пересечение рек Уда и Джана. И на ста-

рой карте эта точка была не очень далеко от Чумикана.

Роза кивнула и перевела.

Мужчина ответил что-то очень резкое, как и всё прочее, что он говорил до этого.

– Зачем тебе это знать? – перевела она. Мужчина сказал что-то ещё. Роза кивнула и снова посмотрела на меня. – Зачем ты здесь?

Я посмотрел прямо в колючие голубые глаза мужчины. С тех пор как я узнал, что я гном, я усвоил, что нет ничего важнее откровенности, когда пытаешься навести мосты с кем-нибудь. Поэтому я не стану ничего скрывать от них. В конце концов, они буквально спасли меня от смерти, пригласив в свой дом.

– Я ищу магический лес, – начал я, говоря очень медленно и делая паузы, чтобы Роза могла перевести. – Ходят слухи, что он скрыт где-то среди сибирской тайги, здесь, на Дальнем Востоке. Мне сказали, что своё путешествие я должен начать там, где река Джана впадает в реку Уда. Я надеюсь, что там смогу воссоединиться со своими спутниками, чтобы мы могли продолжить путешествие вместе.

Девочка ещё не успела перевести мои слова до конца, а мужчина уже отрицательно тряс головой и бросал отрывистые фразы.

– Ты говоришь глупости, – перевела Роза. – Нет в округе никаких магических лесов.

Я бы мог поверить ему, если бы что-то во взгляде девочки

не подсказывало, что он лжёт.

– Пусть так, – сказал я. – Если магического леса не существует, я это выясню и уберусь восвояси. Ничего плохого не случится, если я просто проверю.

В комнате наступила тишина, пока мужчина обдумывал, что сказать дальше. Роза не сводила с него взгляда с таким нетерпением, которое, как мне кажется, бывает только у детей. Наконец мужчина посмотрел на меня в упор и кивнул, его колючие голубые глаза почти гипнотизировали меня.

– Ya znayu, chto ty ischesh' amulet Sahary, – сказал он. Хотя я почти не понимал его, но я точно услышал одно знакомое слово и сообразил, что он не просто указывает мне путь к реке или посылает лесом. – No reka Dzana ne pomozhet v poiskah.

Я перевёл взгляд на Розу.

Она что-то уточнила у мужчины, прежде чем повернуться ко мне.

– Он сказал, что знает, что ты ищешь амулет, – сказала она, и я уронил ложку в свой свекольный суп от удивления, – но река Джана не поможет тебе найти его.

Мужчина снова заговорил, и девочка перевела его слова.

– Никакого амулета нет, – сказала она. – Это миф. Если ты отправишься в волшебный лес, ты не найдёшь ничего, кроме... – Она остановилась, слушая речь мужчины, голос которого стал низким, напористым и угрожающим. – Кроме тьмы. Смерти. И тех существ, которые, к счастью, исчез-

ли много веков назад. Он говорит, что даже во времена фей всем, кто хотел прожить долгую и счастливую жизнь, в этом лесу делать было нечего. Он полон ужасов. И чистокровных лесных троллей!

Мужчина вскочил на ноги и начал размахивать руками над головой, выражение отвращения на его лице сменилось ужасом от вещей, которые он описывал.

Девочка продолжила перевод:

– Невозможно представить, с какими опасностями ты там столкнёшься. Даже если ты выживешь, ты не найдёшь того, что ищешь. Амулет просто выдумка. Старая сказка, которую рассказывают детям на ночь. Как ты думаешь, почему в округе нет животных? Почему люди сбежали отсюда? Потому что они знают. Они знают, что скрывает лес, который ты ищешь. Когда мир изменился, люди почувствовали опасность и сбежали. Даже животные. Слишком опасно.

Роза замолчала, и мужчина снова сел на своё место.

– Но вы же остались, – сказал я, надеясь, что они не решат, что я намекаю на их интеллектуальные способности.

Девочка перевела, и мужчина задумчиво кивнул. Затем он сказал что-то низким и полным раскаяния голосом.

– Он говорит, что нам надо было уходить вместе с остальными, – признала Роза. – Но он... – она замолчала, подбирая нужное слово, – гордый. Он не может покинуть свой дом. Поэтому мы остались.

Мы все трое переглянулись, и напряжение спало. Его сме-

нило предчувствие чего-то плохого, и я догадался, что мужчина уверился в том, что сидит напротив упитанного глупого гнома, который очень скоро превратится в упитанного мёртвого гнома.

Но я должен был действовать. Хотя бы попытаться. Возвращение назад с пустыми руками после первого же предостережения старого ворчливого эльфа никак не поможет спасти мир. Я должен был узнать, существует ли амулет на самом деле.

– Ты ved' vsyo ravno poidesh', da? – тихо спросил мужчина, нарушив молчание.

Я взглянул на Розу.

– Он знает, что ты пойдёшь в любом случае.

Я повернулся к мужчине и очень серьёзно кивнул. Надеюсь, он понял, что я поступаю так, потому что должен идти, а не потому, что не доверяю ему.

– Dvum smertyam ne byvat', odnoy ne minovat' – произнёс старик.

Роза помедлила, снова посмотрев на пожилого мужчину, как будто не хотела переводить.

– Что он сказал? – уточнил я.

– Это старая русская поговорка, – сказала она наконец. – Она значит что-то вроде: ты не можешь умереть два раза, а одного всё равно не избежать.

Роза, должно быть, заметила выражение моего лица, потому что покачала головой и сжала руки.

– Ты не понимаешь, – сказала она. – Он хотел сказать: ты прав, иди и найди то, что ты ищешь, если это твой путь. Потому что однажды ты всё равно умрёшь. Как и все мы.

Затем старик снова заговорил, теперь его голос звучал добрее, чем прежде, словно подтверждая слова Розы.

Она дождалась, пока он закончит, и снова перевела:

– Но тебе не надо искать реку Джана. Лучше идти прямо к магическому месту. Ну или туда, где оно, по слухам, находится. Он не врал, когда говорил, что никто туда никогда не ходит. Ни прежде, ни теперь. В отличие от гномов, мы прислушиваемся к предостережениям из прошлого.

Старик ещё что-то добавил.

– Hot' ya i chuvstvuyu sebya soobschnikom v ubiystve, ya skazhu tebe, kak tuda dobrat'sya. Tol'ko chtoby ty ushol.

Я подождал, пока Роза переведёт, но она не сводила взгляда с мужчины. Он кивнул ей, чтобы она передала его слова, но она покачала головой. Он вздохнул и сказал что-то совсем другое.

На этот раз девочка перевела.

Мужчина с неохотой начал объяснять мне путь к магическому лесу, который, по его мнению, убьёт меня.

Глава 8. В которой мой желудок помогает печени с перестановкой в комнате

Несколько часов спустя я в одиночестве вступил в сибирский лес.

Совсем не так я представлял себе нашу миссию, когда месяц назад мы «подняли паруса». Я думал, что мы все будем вместе: я, мои друзья и Камешек, сопровождаемые двумя отрядами натренированных гномьих стражей.

И вот он я, бредущий по незнакомому лесу в незнакомой стране, совершенно и безнадёжно одинокий, абсолютно не представляющий, что меня ждёт.

Конечно, старик дал мне указания, куда идти. Но назвать их указаниями было бы слишком смело. Скорее, он широким жестом описал местность не меньше Род-Айленда. Он без конца повторял, что Затерянный лес существовал только за счёт магии, а магия вернулась совсем недавно, и поэтому нельзя было точно определить, где начинается магическое королевство, как туда добраться и тем более как войти. Но старик также сказал, что в обширном сибирском лесу есть места, которые всегда считались заколдованными, и до появления здесь цивилизации людей, и после. Возможно, когда-то эти таинственные места и были входами в Затерянный

лес. Теперь, когда магия вернулась, эти порталы могли снова распахнуться.

– На территории магического леса, – сказал мужчина (конечно же, с помощью Розы), – ты полагаешься только на себя. Никто здесь не верит в существование амулета, и я не знаю, где его искать. Как дойти до леса, я подскажу. Если тебе повезёт, или наоборот – не повезёт войти в лес, с поисками разбирайся сам.

Но я всё же был несказанно благодарен ему за помощь. Я бы даже досюда не добрался без великодушной помощи старика, чьего имени я так и не узнал, и его дочери (или внучки) Розы. Вдобавок к тому, что они позволили мне помыться, накормили меня, постирали и высушили мою одежду, уложили на потёртый, но всё же мягкий диван, они ещё и дали мне в дорогу несколько банок консервов с килькой в чём-то красном, плотные шерстяные носки и старую куртку. Будучи на несколько размеров больше, она закрывала мои пухлые ноги почти до колен.

Всё это было ещё одним доказательством того, что холодная война, которая скоро разгорится между эльфами и гномами, – просто полная бессмыслица.

Итак, я в одиночестве входил в густой лес.

Я двигался в северо-западном направлении, в глубь материка, заходя в дикую гористую глушь, где на сотни километров вокруг не было ни городов, ни посёлков, ни дорог, ни людей. Я бы чувствовал себя гораздо увереннее, если бы

Камешек и мои друзья были рядом. Не только потому, что тролль знал, где найти амулет, или потому что мне не хватало компании, а потому, что в таком случае я бы знал, что с ними всё в порядке и они спаслись после кораблекрушения.

Часами брести по необитаемой глуши, когда не с кем поговорить, очень тоскливо. Я уже в который раз пожалел о том, что бросил Кровопийцу. Он мог быть яростным, жаждущим крови оружием, созданным, чтобы убивать, и толкающим меня на жуткие поступки, но с ним, по крайней мере, никогда не было скучно.

Если откровенно, то топор практически вообще не замолкал. Но его постоянные призывы к разрушению или бесконечные подколы по поводу шуток моего отца были всё же лучше, чем одинокие шаги в пустом лесу.

Относительная тишина дала мне возможность вспомнить, что я делаю здесь, в лесу на самом краю мира. Мы пытались добраться до амулета раньше Эдвина. Наша миссия также должна была доказать, что:

1. Мой отец прав насчёт природы магии и её способности установить мир во всём мире.

2. Гномы правы насчёт того, что эльфы ужасны до отвращения и нельзя, чтобы амулет попал к ним.

Всё за пределами этих двух гипотетических истин означало бы, что мы напрасно теряем время. В конце концов, даже если мы отыщем амулет раньше Эдвина, то что тогда? У него, по крайней мере, были планы относительно такого мо-

гущественного объекта. А главной целью гномов, насколько я знал, было просто отыскать амулет до того, как до него доберётся Эдвин.

Но что мы будем с ним делать потом?

Может быть, амулет открывал путь к всеобщему миру. А может, и нет. В этом было слабое место в теории моего отца, а растолковать нам её он больше не мог. Мы знали только то, что теоретически это единственный в своём роде предмет, который способен контролировать и умирять сущность магии.

Причём все наши умозаключения основывались на предположении, что амулет действительно существует, а это тоже совсем не точно. Особенно если учитывать слова старого эльфа: амулет – всего лишь выдумка.

К закату я прошёл как минимум двадцать километров в глубь леса.

Устроив себе постель из веток серебряных елей, я стал думать, что делать со своими съестными припасами. Старик уверял, что мне потребуется не меньше трёх дней, чтобы дойти до области, где, по слухам, находится одно из таинственных «волшебных мест». Место, которое чисто теоретически может привести к Затерянному лесу. Но я же гном, поэтому голод преследовал меня повсюду. И сейчас, когда за целый день пешей прогулки я съел всего лишь две крошечные баночки кильки, во мне проснулся такой голод, что я был готов спалить целый лес, чтобы выместить свою звер-

скую ярость.

Мой желудок урчал так громко, что казалось, он разговаривает со мной, пока я свернулся на своей постели из веток у костерка, который развёл с помощью магии.

«Покорми меня, Грег!» – простонал желудок.

«Не могу, – подумал я в ответ. – Мне нужно сберечь последние несколько банок. У меня впереди минимум два дня пути. И кто знает, сколько ещё пройдёт, прежде чем я войду в Затерянный лес».

«У тебя всегда находятся отговорки, – пожаловался мой желудок. – А знаешь что, приятель? Меня не волнует твоё нытьё. Давай доставай еду и складывай её в меня. Живо!»

«Сам возьми!»

«А вот и возьму!»

«И чего ты ждёшь?»

«Сейчас я как встану!»

«Ну-ну, посмотрим».

...

«Ну и?» – снова подал мысленный голос я.

«Отвали».

«Сам отвали».

«Клянусь, я уже собирался. Но потом твоя печень попросила меня о помощи. Поэтому я не смог. Сейчас я занят».

«Как скажешь, желудок».

«Нет, серьёзно! Она сказала, что ей нужно передвинуть какие-то коробки. И повесить картину на стену».

«То есть хочешь сказать, внутри у меня теперь свалены какие-то коробки и непонятные картинки? Поясни, что-то не сходится».

«Ну-у, как бы... Знаешь что? Господи, и зачем я в это ввязался! Хочешь знать, что я думаю?»

«И что же?»

«Что ты меня сейчас покормишь».

«Нет».

«Да. Куда ты денешься? Вот только попробуй не покормить, и ты у меня запомнишь эту ночь».

Внезапно мой желудок скрутила такая дикая боль, что я чуть не укатился в костёр. Пальцы на ногах скрючились, а кулаки сжались, пока мои внутренности обжигало и кололо так, как будто их протыкали раскалённым лезвием.

«Ну что, нравится? А?»

«Нет. Прекрати, пожалуйста!»

«Запросто... просто дай мне ещё этой кильки!»

Наверное, я ещё час катался, корчился и в полуобморочном состоянии разговаривал со своим желудком, но потом всё же сдался. С едой я смогу решить что-нибудь утром. Но я знал, что если мне не удастся хоть немного поспать, то я буду не в состоянии преодолеть то расстояние, которое мне надо пройти за завтрашний день.

Поэтому я засунул руку в нейлоновую сумку, которую дала мне Роза, и достал предпоследнюю банку с консервами. Я повернул ключ, оттянул крышку и одну за другой проглотил

крошечных рыбок в масле и томатном соусе. Как я мечтал, чтобы она была бездонной, эта баночка.

Когда я снова свернулся на своей постели из веток и хвои, мой желудок практически урчал от удовольствия.

«Видишь? Что, так трудно было?»

Я вздохнул и подумал, что, наверное, схожу с ума.

«А теперь почему бы не пойти до конца и не открыть последнюю банку? Давай? Грег? А, Грег? Ну чего ты, Грег?»

Мой желудок снова принялся бурчать.

Я почувствовал такую грусть и одиночество, свернувшись на этих ветках на пару с докучливым гномьим желудком, что почти заплакал. Но самое первое вселенское правило гномов гласит: гномы никогда не плачут. Второе было: гномы не врут. Чем больше я размышлял об этом, тем больше склонялся к мысли, что если придерживаться первого правила, то очень часто нужно нарушать второе.

Желание поплакать вполне естественно. Это помогает высвободить чувства. А заставлять себя без конца сдерживать эмоции непременно означает лгать самому себе и всем окружающим. Ты предаешь собственные чувства.

Когда мой желудок наконец сдался и позволил мне погрузиться в сон, я как раз размышлял: а замечал ли это несоответствие кто-нибудь из других гномов? Ведь эти два основополагающих правила были, получается, взаимоисключающими.

Если уж два основных и самых простых правила гномов

были так непродуманны в своей сути, то значит, и остальные гномы убеждения могли оказаться ошибочными.

Если честно, то чем больше я размышлял над тем, во что верили гномы, тем больше осознавал, что мы можем вообще быть неправыми во всём.

В таком случае, что я делаю в сибирской глуши в полном одиночестве, прикорнув у костра и вступая в споры с собственным желудком?

Правда ли я на миссии по спасению мира?

Или я на пути к тому, что я бы назвал универсальной способностью всех гномов: бесславно проиграть и сделать всё ещё хуже.

Глава 9. В которой я замечаю, как прекрасно солнце, мерцающее на тоненьких и пушистых усиках

Запах готовящегося мяса – лучший будильник для гномов.

Именно поэтому я подскочил меньше, чем за секунду, когда роскошный аромат плавящегося свиного сала ударил мне в нос. Сначала я решил, что всё ещё сплю или мой мозг сыграл со мной плохую шутку. Или, может быть, во сне я нечаянно скатился в костёр, и меня разбудил запах приготовления моего собственного сала.

Но тут знакомый голос дал мне понять, что я не сплю.

– Эй, красавчик, – сказала Глэм. – Как насчёт жареного бекона?

Она склонилась над моим увядающим костром, ловко удерживая над тлеющими углями металлическую сковородку с ароматными ломтиками. Глэм улыбнулась мне и, когда утренний свет, пробивавшийся сквозь верхушки деревьев, осветил её лицо, я как никогда был рад виду её роскошных усов.

– Ты жива! – простонал я.

– Конечно, я жива, – фыркнула она. – Ты думаешь, что двухголовая змея или кракен могут так просто меня уколо-

шить? Ха!

– Вообще-то именно Грег спас тебя от кракена, не забыла? – раздался другой знакомый голос.

Ари присела на землю, перебирая содержимое большого рюкзака.

Она улыбнулась мне.

– Ну да, – признала Глэм.

Когда я вскочил на ноги, чтобы обнять их, то увидел, что и другие были тут. Четверо караульных – двое мужчин и две женщины – стояли в сторонке и с серьёзным видом что-то обсуждали.

– Они целое утро только и спорят, кто из них самый главный, – шепнула мне Ари.

– Командующий Громоцветный мёртв, – сообщил я.

– Да, мы знаем, – сказала Глэм. – И эти четверо с тех самых пор, как нас прибило к берегу, не перестают спорить, кто теперь руководит миссией. А между тем мы с Ари невзначай велим им, что делать, а они даже не замечают этого.

– Но их развитая мускулатура пригодится, раз уж мы оказались в Затерянном лесу, – добавила Ари.

Глэм кивнула.

– Погоди, а что, кроме вас, больше никого нет? – спросил я в таком отчаянии, что желудок снова схватили судороги. – Больше никто не выжил? Камешек? Лейк? Головастик? Тики?

– Мы не знаем, где они, – ответила Ари. – Но мне кажется, что с ними всё в порядке.

Глэм протянула сковороду с шипящим беконом. Я схватил ломтик и дал ему немного остыть на утреннем воздухе, глядя как от хрустящих краешков поднимается дым. Потом запихнул его полностью в рот. Солёный, насыщенный копчёный вкус ошеломил меня почти до обморока.

– А почему вы так решили? – спросил я с набитым ртом.

– Мы видели, что кракен съел тебя, командующего и нескольких других стражей, – пояснила Ари. – Мы решили, что вы все погибли. А потом заметили дым костра, пришли сюда и увидели спящего тебя. Я так завопила, что до сих пор не понимаю, как ты не проснулся.

– Короче, – перебила её Глэм. – Мы видели, как Камешек вместе с остальными плыли к берегу, пока мы сражались с кракеном. Но в той неразберихе, которая потом случилась, мы потеряли их из виду.

– Камешек умеет плавать? – удивился я.

– При помощи пары десятков спасательных жилетов, – сказала Ари.

– Мы решили, что если будем двигаться на северо-запад, то обязательно наткнёмся на них, – продолжила Глэм, протягивая мне ещё один ломтик бекона, который я с радостью взял. – Потому что мы все идём в одном направлении.

– Будем надеяться, – сказал я. – Наверняка знает только Камешек.

– Не совсем, – сказала Ари.

Я озадаченно посмотрел на неё.

– Пока кто-то тратил время на рыбалку, – пояснила она с усмешкой, – я провела много времени с Камешком в его каюте, обсуждая местонахождение Затерянного леса и амулета. Я многого так и не поняла – у скальных троллей своеобразное пространственное ощущение и понимание того, как надо указывать дорогу, – но у меня есть примерное представление о том, куда нам надо попасть.

Я кивнул с облегчением. Какое счастье, что мне больше не придётся топтать неизвестно куда совсем одному. И мы явно двигались в то же место, которое мне описал старый эльф.

– Эй, детишки, пора выдвигаться! – рявкнула на нас одна их представительниц Караула. – Если вы забыли, мы на задании.

– Не разговаривай с ними так, – сказал другой.

– Я теперь главная, – ответила первая. – И я сама решаю, как мне поступать.

– Не выдумывай. Мы это уже обсуждали! – вмешался третий, и всё началось по новой. Видимо, их спор – кто теперь главный – разрешится не скоро.

Я помог Ари и Глэм снова собрать рюкзаки, которые, по их рассказам, они нашли в заброшенном зимовье в нескольких километрах отсюда.

С погибшего корабля им удалось унести гораздо больше припасов, чем я мог себе представить, включая несколь-

ко упаковок с беконом и другим солёным мясом, спальные мешки, палатки, кружки и некоторые другие принадлежности для готовки. Совместными силами им также удалось спасти некоторое оружие, прежде чем ПВГЛ «Пауэрхэм» успела затонуть. У двоих стражей были боевые топоры, у одного гномьи мечи, а у последнего – внушительная булава с острыми пиками. У Ари был её кинжал и боевой топор. У Глэм тоже был боевой топор, но не её собственный.

– Моего больше нет, – пояснила она печально, когда заметила, что мой взгляд упал на её новое оружие. – Леди Вегас больше нет⁸.

– Итак, дамы и господа, идём в том направлении, – объявила Ари, когда вся группа была в сборе.

Глэм пошла следом за Ари, которая повела нас через лес, немного отклоняясь от того направления, в котором пошёл бы я, если бы был один.

Не уверен, расслышали ли стражи в пылу спора, что сказала Ари, но, заметив, что мы снова тронулись в путь, они выстроились в шеренгу метрах в двадцати от нас, умудрившись при том продолжить перепалку. Мы с Глэм встретились взглядами и хихикнули. Потому что мы знали кое-что, чего так и не поняли эти четверо: их звания больше не имели значения. Потому что с этой минуты кое-кто другой взял командование на себя.

⁸ Леди Вегас – так назывался её топор. Хотя я много раз пытался выяснить, она так и не призналась, почему так называла его и что значит это имя.

Уточню: Арийна Светобоец.

И мы все пошли следом за ней в чащу густого леса, ни на секунду не задумавшись.

Глава 10. В которой выясняется, что гигантские говорящие пауки, тролли в набедренных повязках и язвительные кентавры всё же могут напугать, пусть даже о них упомянули шутки ради

К концу дня – после длительного, изнурительного перехода – нас было уже двенадцать вместо семи.

Уже смеркалось, когда мы наткнулись на пятерых наших товарищей, собравшихся около горы камней, что неудивительно, если вспомнить о предпочтениях моего друга.

– ДОКЕМБРИЙСКОЙ ЛАВЫ ПРИМЕР! – грохотал Камешек, склонившись над камнями. – ДОКЕМБРИЙСКИЙ ОРТОГНЕЙС! ГРАНИТ СОРОК ПРОЦЕНТОВ КВАРЦА!

– Ну, что там опять? – недовольно сказал караульный за его спиной. – Нам правда так важно останавливаться перед каждой кучкой камней?

– От него отстать лучше, – сказал Лейк. – Склонности лишними приобретённые твои не бывают разве?

Головастик кивнул стражу, соглашаясь, что лучше оставить Камешка в покое.

– Ребята! – завопил я, подбегая к ним.

Сложно сказать, кто обрадовался этой встрече больше – мы или наши вновь обретённые друзья. Бывший с ними стражник быстро метнулся к нам, чтобы стукнуться кулаками и побрататься с нашими четырьмя. Ари чуть не повалила своего брата Лейка на землю. Головастик, молчаливый, как и всегда, улыбнулся и с облегчением кивнул мне и Ари. Тики Грызньелюб произнесла целый поток отменных гномьих ругательств, а потом обняла меня и назвала «вонючей отрыжкой».

– ГРЕГДРУЛЬ! – пророкотал Камешек, забыв о камнях. – КАМЕШЕК БОЯТЬСЯ ОРГАНИЧЕСКИЙ СОСУД СЛИЛСЯ С ОТХОДАМИ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ ТРАКТЕ КРАКЕНА!

Он бросился ко мне, как щенок, которого надолго оставили одного дома.

Я попытался увернуться, но крупный скальный тролль подхватил меня и сжал в своём фирменном смертельном объятии.

– Камешек, я... не могу... дышать, – просипел я, почти теряя сознание.

Напоследок он ещё раз стиснул меня так, что затрещали кости⁹, и, наконец, отпустил.

– Рад... видеть... тебя... тоже, – сказал я, хватая ртом воз-

⁹ Я не шучу. Если бы наши кости были такими же слабыми, как у людей, то меня бы смяли, как пачку из-под чипсов.

дух.

– Хорошо есть, что компания ваша ночи раньше наступления здесь появилась, – сказал Лейк, похлопывая меня по спине, пока я переводил дыхание.

– ОСТАЛСЯ ОДИН КАМЕНЬ СТРАНСТВОВАНИЯ, – произнёс Камешек. – КАМЕШЕК ВЕСТИ.

– Мы уже близко? – спросила Глэм.

Пока мы все собирались вокруг него, Камешек погрузился в раздумья с таким видом, как будто он знал, сколько нам ещё идти, но не понимал, близко это или нет. Наконец он обнажил каменистые зубы, демонстрируя улыбку по-троллевски.

– СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ РАССТОЯНИЯ ЛЖИВЫЕ, НЕ НАЙТИ ПОХОЖИХ НА ОДИН КАМЕНЬ, – пояснил он. – ТОЧНЫЙ ОТВЕТ ПРОБЛЕМАТИЧНО ВЫРАЗИТЬ ВЕРБАЛЬНО.

Хотя всякий раз трудно было понять, что именно тролль имел в виду, главный смысл его сообщения был ясен: там, куда мы направляемся, такие понятия, как «в километре отсюда» или «мы приближаемся», не работают. В Затерянном лесу современные метрические системы будут бесполезны.

И как это понимать?

С другой стороны, это даже упрощает задачу. Но мы же гномы, а гномы и «проще» понятия несовместимые.

Мы разбили лагерь прямо на этой лужайке, рядом с булыжниками, которыми так восхищался Камешек. Мы уже

долго шли по ухабистой долине между двух гор, и лес становился всё более дремучим. А это значило, что никто не знает, сколько нам ещё придётся пройти, чтобы наткнуться на место, пригодное для ночлега.

Костра было два.

Пятеро караульных развели свой собственный на краю лужайки, уселись там и принялись орать друг на друга. С появлением пятого солдата в их команде споры стали ещё более ожесточёнными. Они вели себя обособленно, а если и бросали нам пару слов, то это совсем не касалось нашей миссии. Даже на корабле, во время нашего морского путешествия, военные не общались ни с кем, кроме своих соратников, даже наоборот – старались избегать нас. Но если честно, мы были даже рады: очень не хотелось вникать в их внутренние мелочные разборки.

Мы в шутку начали называть их костёр «взрослым», а наш «детским».

Камешек сидел в сторонке ото всех, рядом с кучкой булыжников. Казалось, мыслями он был где-то очень далеко. Толстыми, узловатыми пальцами он водил по камням, возможно, зачарованный тем фактом, что находится ближе, чем когда-либо, к легендарному первородному камню. На самом деле его называли «корурак» – самый древний минерал во Вселенной. Такой древний, что этот камень, который, по слухам, и составлял основу амулета, был единственным в своём роде. По крайней мере, в изученной Вселенной.

– Так что там случилось с этой заброшенной деревней? – спросила Тики. Всполохи огня бросали на её лицо таинственные тени. – Чумикан – или как её там?

Мы вшестером: Глэм, Ари, Лейк, Тики, Головастик и я – сидели прямо на земле вокруг «детского» костра, изо всех сил стараясь согреться его теплом.

– Понятия не имею, – ответила Ари. – Я весь день про неё думаю.

– Наверное, жители просто сбежали, когда мир рухнул, – сказал я, не упоминая, что это мне рассказал старый эльф, с которым я там познакомился.

– Мир не рухнул, – поправила меня Глэм. – Некоторые вообще уверены, что всё только начинается.

– Ну да, но большинство людей, когда вернулась магия, решили, что настал конец света, – сказала Ари. – Только представь, разом не стало: Интернета, телефонов, инстаграма, нетфликса и всех машин и механизмов. Да вообще, всех вещей, которые составляли их жизнь.

Мы мрачно кивнули в знак согласия.

Без сомнения, людям трудно будет приспособиться к новым условиям. И я был из их числа ещё семь месяцев назад, пока не узнал, что я на самом деле гном.

– Ребята, а как, по-вашему, выглядит Затерянный лес? – спросила Ари.

– Если всё будет, как в том тупом фэнтезийном фильме, который я видел недавно, то нас ждёт целая компания штам-

пов, — попытался отшутиться я, вместо того чтобы передать им слова старика из Чумикана, утверждавшего, что всё, что мы там найдём, — это смерть. — Ну, знаете, гигантские говорящие пауки, тролли в набедренных повязках, язвительные кентавры, говорящие деревья и всё такое прочее.

Но никто не рассмеялся.

Тики отважно хохотнула, но шутка, скорее, заставила всех нервничать ещё больше. Потому что, даже если это всё просто клише, окажется оно правдой, нам не поздоровится. И мы все это знали.

— Предков мир ваших вы узнать шанс имеете, — нарушил молчание Лейк. — Подобное очевидцы наблюдать могли времена жизни отделённой на Земле примерно во.

— Да, здорово будет посмотреть на часть мира, не тронутого современной цивилизацией, — согласилась Ари.

— Лично мне без разницы, что мы там найдём, — заявила Глэм. — Главное, чтобы мне было что покрушить.

Хотя Глэм и вправду любила крушить всё на своём пути, сейчас она пошутила специально, и мы все с благодарностью залились смехом.

— Эй вы, тихо там! — крикнул один из караульных от «взрослого» костра.

— Вот именно, — добавил другой. — Собираетесь всем в округе сообщить, что мы тут? Всем монстрам или эльфам, которые рыскают поблизости?

Дружно отчитав нас за шум, они снова принялись спорить

о своём так оглушительно, что эхо отскакивало от тёмных деревьев. Я даже расслышал, как одна стражница пыталась построить свою аргументацию на том, что её большой палец – вылитый палец Борина Лесоруба, а это, между прочим, единственное, что сохранилось от его статуи.

У «детского» костра мы все закатили глаза и захихикали.

– А ваши караульные назвали вас свои имена? – спросила Тики. – Тот, с которым нас прибило к берегу, даже не представился, тухлый огрызок!

– Нет, – ответила Глэм. – По-моему, это странно.

– Они никогда не открывают своих имён, – впервые за несколько часов подал голос Головастик. – Потому что их у караульных не бывает.

– В смысле не бывает? – потребовала объяснений Тики. – Да у всех есть хоть какое-нибудь занюханное имя!

– Только не у членов Караула, – сказал Головастик, когда мы все придвинулись к нему. Даже Глэм, похоже, впервые услышала про такую традицию. – У них были имена. Когда-то. Но они отдали их как часть клятвы, которую они приносили, когда вступали в Гномий Караул.

– Чем им имена-то помешали, пипидастр их задери? – спросила Тики.

– А по-моему, это клёво, – сказала Глэм. – Кучка безымянных воинов!

– Так, а в чём смысл? – всё ещё не понимал я. – Что такого, если у них будут имена?

– Смысл в том, что имя предполагает индивидуальность, – пояснил Головастик, за последние две минуты сказав больше слов, чем за почти целый месяц на корабле. – Они уверены, что на войне или в битве для имён места нет. Имена – для личностей, а в армиях личностей нет, есть лишь сплочённые отряды, которые действуют как единый механизм. Имя придаёт гному индивидуальность, позволяет иметь собственные мысли и мнение, а этот груз отвлекает их от самого важного. Гномы из Караула стали считаться самыми лучшими воинами, потому что они приносили клятву, посвящая всю свою жизнь большому делу. Они отреклись от собственной индивидуальности, чтобы войти в число тех, чья цель – защищать существование расы гномов и ничего больше.

– Откуда ты всё это знаешь? – спросила Глэм.

– Отец рассказал мне, – ответил Головастик, упоминая нашего старого наставника и тренера по боевым искусствам Суфира Бака Знатнобородого. – Он сам когда-то был одним из них.

– Был когда-то? – уточнила Ари. – Ты только что сказал, что это выбор на всю жизнь.

– Так и есть, – признал Головастик. – Но его исключили, когда он встретил мою маму. Жениться и завести детей для караульного уже само по себе плохо. Одно это может привести к позорному исключению. Но тот факт, что она была ещё и эльфийка... Повезло, что Данмору удалось как-то замять это дело. Иначе его бы исключили из сообщества гномов.

Наступила долгая тишина. Единственными звуками было потрескивание огня и непрекращающийся спор у «костра взрослых». Так вот почему Бак не жил в Подземелье, когда мы впервые его встретили. И вот почему он всегда злился на гномью политическую систему, да и на многое другое.

Наконец я откашлялся и вернулся к прежнему разговору¹⁰.

– Ребята, а за последние несколько дней вам попадались эльфы? – спросил я Головастика, Тики и Лейка.

Лейк покачал головой.

– Ничего мы не видели, кроме долбаной дикой природы, – сказала Тики. – Даже животных нет. Очешуенно странно.

Я кивнул. Она права – странно всё это.

С тех самых пор как магия начала возвращаться, животные по всему миру по какой-то – до сих непонятной нам – причине нападали на гномов. В городах, в зоопарках – повсюду. А теперь в чаще дикого леса, который должен кишеть дикими тварями, мы до сих пор даже несчастной белки не встретили или там птички. Ни разу.

Старик в Чумикане уверял, будто это потому, что животные чувт опасность вблизи Затерянного леса, в который теперь можно попасть из нашего мира. Они ушли в надежде избежать надвигающейся угрозы. Но я снова не стал посвящать товарищей в подробности своего пребывания в Чуми-

¹⁰ Потому что мы всё ещё были на миссии, от исхода которой зависела судьба мира. Ну, вроде как.

кане, потому что решил, что не стоит пугать их ещё больше.

Мы так и сидели в молчании, и тишину нарушали лишь треск костра и гул голосов караульных.

Рассказ Головастика о прошлом его отца заставил меня задуматься о своих собственных родителях. Ведь я почти ничего не знал о своей маме. Она умерла, и я её совсем не помню, а отец почти никогда не рассказывал о ней. Я никогда не докучал ему расспросами, но с тех пор как я узнал о своём истинном происхождении – то, что я гном и всё такое, – я не перестаю размышлять, какой она была и почему отец почти не рассказывал о ней.

Иган когда-то сказал мне, что она была из рода Секирваров – династии заговорщиков оружия. Но это почти всё, что я знал.

Именно поэтому я иногда думал: а может, моё призвание – это заговаривать оружие, а не быть легендарным героем? Вдруг именно потому у меня всё так плохо получалось: просто я должен был стать простым ремесленником, как моя мама. И кстати, почему, если гномы твердят о равноправии, дети должны наследовать фамилию отца, а не матери? А также predetermined навыки и судьбы предков по отцовской линии? А что, если я вообще просто Грег: закоренелый неудачник, у которого лучше всего получаются эпические провалы? А может, я вообще должен был стать дантистом или кем-нибудь таким?

Чем больше я размышлял обо всём этом во время долгих

ночей на борту «Пауэрхэма», тем больше осознавал, как мало смысла в традиционных представлениях гномов о семейных узах.

То есть каждому гному уготована конкретная профессия или занятие только из-за семейной традиции? Получается, нашу жизнь определяют фамилия и навыки наших предков? Да как такое может быть? Быть может, иногда стоит повернуться спиной к тому, что, по мнению других, уготовано нам судьбой?

Моя фамилия не должна влиять ни на то, кем я являюсь или должен стать, ни на мои поступки.

Единственное, в чём я был уверен, – мне не было предначертано стать кем-то великим. Я уже почти отказался от мысли о предопределённости судьбы. Я сам принял решение избежать этого пути, там, в Сан-Франциско, когда велел Ари бросить Кровопийцу за борт.

Но от этого наша миссия становится ещё бессмысленнее.

Когда Кровопийца выбрал меня своим новым господином, я решил, что моё предназначение – спасти нашу расу, оправдать всеобщие ожидания и стать отважным и знатным воином. Я должен был возглавить наши силы в борьбе с эльфами и прочими врагами. Но теперь, когда я больше в это не верил, могло случиться всё что угодно.

Потому что, похоже, я успешно могу только всё завалить.

Кстати, так, скорее всего, и случится, учитывая мою способность к провалам.

А это означает, что, даже если мы отыщем место, где предположительно скрыт амулет Сахары, с большой долей вероятности в мире ничего не изменится. Только погибнем зазря.

Глава 11. В которой стражи бросают своё оружие в озеро

– Вот это оно есть? – с недоверчивым возмущением спросила Глэм. – Вы серьёзно?

– ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, – ответил Камешек.

Ближе к вечеру следующего дня мы добрались до преддверия предполагаемого Затерянного леса, волшебного королевства зачарованных земель, которые на тысячи лет были отрезаны ото всего мира. Королевство, в котором, поговаривают, можно столкнуться со множеством опасностей и невероятно мерзких тварей, а ещё найти амулет, настолько могущественный, что он может разрушить или спасти мир, в зависимости от наклонностей и амбиций своего владельца.

Но отчасти я был согласен с Глэм: на первый взгляд в этом месте не было ничего особенного.

Тем утром мы сначала поднялись на небольшую гору, а потом спустились в долину, образованную ею и другой горой. Долина превратилась в непролазную чашу, и нам пришлось продираться сквозь плотные заросли хвойных деревьев, пока мы наконец-то не добрались до небольшой поляны на краю прозрачного озера, наполняемого тающим снегом, сходящим с обеих гор. Мы обогнули озеро и упёрлись в сплошную стену деревьев у подножия горы.

Не поймите меня неправильно – пейзаж был дивный и не шёл ни в какое сравнение со всем тем, что я видел или мог себе представить у себя в Чикаго. Но с другой стороны, мы стояли на каменистом берегу горного озера, уставившись на вереницу высоких, стройных аянских елей. Не спорю, они были великолепны, но ни капли не напоминали вход в древнее зачарованное королевство.

– Ты точно уверен, что это оно? – снова спросила Ари.

– **СОВЕРШЕННО**, – прогрохотал Камешек, но в его устах это восторженное слово прозвучало как-то неестественно. – **ЧТОБЫ ПРОНИКНУТЬ ТУДА, ИГОЛЬЧАТЫЙ ПОКРОВ ТРЕБУЕТСЯ ПРЕОДОЛЕТЬ.**

– И всего-то? – спросил караульный. – Нужно просто пройти через эти деревья – и мы попадём в Затерянный лес? Тогда чего мы ждём?

– **ВЫШЕУПОМЯНУТОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ОБ-
МАННЫМ ПРИКРЫТИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ, В ЗАБЛУЖДЕ-
НИЕ ВВОДИТ**, – предупредил Камешек.

– Чего это? – настойчиво сказала Глэм, делая несколько шагов вперёд. – По-моему, всё просто. Видишь деревья – иди мимо деревьев. Просто как пряжкозубым тигром об асфальт, как говорил мой дедушка!

Мы наблюдали, как Глэм направилась к деревьям. На секунду показалось, что она была права: для того чтобы попасть в древний волшебный лес, нужно пройти внутрь, и никаких ловушек.

Но когда до ближайшего дерева осталось метра три, её внезапно развернуло, и она сделала несколько неуверенных шагов в нашу сторону.

Наша спутница ошарашенно замерла.

Поморгав, Глэм развернулась и снова попыталась подойти к деревьям. И снова её развернуло в нашу сторону, как только она приблизилась к ним.

– Да что это значит, задери вас эльф? – завопила она в небо.

Она пыталась снова и снова. Со стороны казалось, что Глэм просто ходит по кругу на полянке у леса. Это было бы дико смешно, если бы не было так странно. В какой-то момент она так разозлилась, что её кулаки превратились в булыжники, которыми она замолотила по воздуху.

– Глэм, остынь, – сказала наконец Ари.

Раскрасневшаяся гномиха обессиленно посмотрела на нас, тяжело переводя дыхание.

– Я... я не понимаю, что происходит, – признала Глэм. – Я вроде... иду к деревьям... а потом... как будто нет. Это... трудно объяснить. Что-то не даёт мне подойти ближе. Как будто меня насильно разворачивает так быстро, что я даже не замечаю: раз – и я уже иду в другом направлении!

Вскоре мы уже все ходили отчаянными кругами по каменистой опушке елового леса, который вырастал из земли как сплошные ряды острых клыков.

Дикое зрелище мы собой представляли: одиннадцать гно-

мов, ходящих по кругу между озером и лесом, а в стороне стоит горный тролль и смиренно наблюдает за происходящим безумием.

Но так и было: лес просто не пускал нас дальше.

Каждый раз, когда я пытался приблизиться к дереву и уже почти добирался до него, меня внезапно разворачивало обратно. При этом я ничего не ощущал, ничего не видел, это просто случалось. Само по себе. Как по волшебству¹¹.

Головастик сдался первым.

– Думаю, всё дело в деревьях, – тихо произнёс он.

Я бросил страдать ерундой и ходить бесконечными кругами и спросил:

– Что ты хочешь сказать?

– Эти деревья разворачивают нас назад.

– Не уловил твою мысль, – признался я. – С виду обычные аянские ели.

Но Головастик просто пожал плечами вместо того, чтобы объяснить всё толком.

В конце концов сдались все.

Так мы и стояли, выстроившись вдоль берега крошечного озера, уперев руки в боки и недоумённо покачивая головами. Ну почему было не сделать испытание перед входом в зачарованный лес каким-нибудь более понятным? Не знаю, сразиться с трёхголовой собакой или поотвечать на тупые

¹¹ Ну и конечно же, это было по волшебству! Ведь это всё-таки тайный вход в зачарованный лес.

загадки? Вместо этого мы натолкнулись на невидимый, метафизический барьер. Нечего было тут проткнуть, порубить, прикончить или надуть.

Мы просто-напросто не могли попасть в лес.

– Камешек, ты знаешь, как нам пройти? – спросил я. – Ты сказал, что будет непросто войти. Откуда ты знал?

– БАСНИ ПЕРВОГО КАМНЯ, – ответил Камешек. – МАТУШКА ПЕЛА НАМ, КОГДА БЫЛИ ОТРОКАМИ, ПРО КАМЕНЬ ПЕРВОРОДНЫЙ ЧУДО НАПЕВЫ. РАДИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ПУТНИКУ ПОТРЕБНОСТЬ УДОСТОИТЬСЯ ЧЕСТИ. ДРЕВЕСНЫХ РАСТЕНИЙ ОДОБРЕНИЕ СНИСКАТЬ. ЕЛЬ АЯНСКАЯ – СТРАЖНИК ДАННОЕ ЦАРСТВО, ВЛАДЕЕТ ПРАВОМ НЕ ПУСТИТЬ СКОРБНЫМ СТРАСТЯМ НАВСТРЕЧУ.

– Чего? – спросила Глэм, ошарашенная, как и мы все.

– Если вкратце, он сказал, что деревья – стражи королевства, – пояснила Ари. – Только они могут пропустить тех, кто достоин встретиться с опасностями.

Я не смог сдержать стона и так закатил глаза, что на секунду даже испугался, что они не выкатятся обратно и так и застрянут, уставившись в мой мозг.

– Так я и знал! – воскликнул я. – Говорил же, что нам встретятся ожившие деревья! Я так и знал!

Правда, на деле деревья до сих пор занимались только тем, чем и положено обычным деревьям: стояли на месте, шелестели ветками на ветру и молчали. Насколько нам было из-

вестно, истории, которые рассказывала Камешку его мама, были просто сказками, чтобы усыпить маленьких троллят, и ничем больше.

– Посторонитесь! – сказала представительница Караула, более прочих желавшая стать предводительницей отряда. – Предоставьте-ка это боевому офицеру!

– Ты сейчас про меня говорила? – спросил другой воин.

– Вообще-то я имела в виду себя, но уверена, все согласны, что мы впятером должны, наконец, довести это дело до конца?

Все стражи Гномьего Караула кивнули и достали своё оружие: топоры, меч и одну булаву.

– Детки, отойдите в сторонку, – сказала всё та же стражница. – Мы в два счёта расправимся с этими несговорчивыми деревьями.

Маленький отряд подошёл к елям и остановился невдалеке от того места, где их непременно развернуло бы.

– Пусти нас! – крикнула грозная воительница лесу. – Или пожалеешь!

– Точно! – подхватил кто-то из её коллег.

Деревья не ответили.

– Ну раз так... – сказала стражница. – Воины, готовьтесь к атаке.

– А чего ты так раскомандовалась? – возмутился всё тот же спорщик. – По-моему, я здесь отдаю приказы.

– Ты хотел сказать: я! – воскликнул ещё один воин.

Они ещё немного поспорили, кто должен отдавать приказ о нападении. Мы наблюдали за этим цирком с мрачным любопытством. Не сказать, что нам было интересно, чем же закончится этот бессмысленный спор. Скорее, мы надеялись узнать, что случится, если они всё же когда-нибудь доберутся до нападения на лес.

В конце концов они нашли компромисс и решили, что дадут сигнал к нападению все вместе. Ари закатила глаза, и мы с ней просто не могли не хихикнуть, когда стражи начали обратный отсчёт.

– Три! – крикнули они хором.

– Два!

– Один!

– В атаку!

Все пятеро стражей бросились с оружием к ближайшему дереву. Через несколько шагов они метнули своё оружие, но после короткого полёта топоры, мечи и булава резко врезались в невидимую преграду и отлетели назад, в сторону гномов, которые их бросили. Стражи бросились врассыпную, едва уворачиваясь от собственного оружия, которое чуть не порубило их на части.

Орудия между тем полетели дальше, и теперь уже нам пришлось пригнуться. В итоге они достигли самого центра горного озера и с безразличным всплеском рухнули в него.

Пятеро караульных подошли к нашей группе, на их лицах смешались недоумение, смущение и раздражение.

Одна из воительниц пожала плечами.

— Мы сделали всё, что могли, — сказала она. — В конце концов, мы воины. Нас готовили к боям с эльфами и монстрами, а не с кучкой тупоголовых деревьев.

— Как мы добудем назад своё оружие? — спросил другой стражник.

— Откуда я знаю? Вот ты и скажи! — возмутился его соратник по правую руку. — Ты же у нас тут главный.

— Вовсе не я! — огрызнулся его сосед. — Вот она.

— Нет, нет, нет! — сказала самая бойкая прежде стражница, отступая. — Мы же решили, что он теперь главный, и, как главнокомандующий, он должен найти способ вернуть нам наше оружие! Я только подчиняюсь приказам!

— У меня нет назначения! — завопил тот, на кого она тыкала пальцем. — Мы это уже обсуждали...

Мы вздохнули и перестали обращать внимание на их вопли, снова повернувшись к деревьям. Перед нами ведь стояла действительно серьёзная проблема. Я был расстроен, как и стражи: сражаться с чем-то, чего ты не видишь и даже не понимаешь, было, наверное, ещё хуже, чем знать, что противник превосходит тебя числом. По крайней мере, так ты хоть понимал бы наверняка, что тебя ждёт. Пусть даже исход обещал быть печальным.

Но сейчас мы столкнулись с задачкой, у которой не было очевидного решения.

Мы даже не знали, с чего начать искать ответ, потому что

до сих пор не понимали вопроса.

И в этот момент, пока мы все ломали голову над решением загадки (а стражи по-прежнему спорили, кто из них главный и не главный), я понял, что остальные вообще-то и не думали ломать голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.